Нина Кромина
Елена Яблонская

Красная строка

Аглая Жданова
Александр Королёв-Иван
Александр Сизухин
Алексей Панин
Алёна Кубарева
Виктория Чикарнеева
Владимир Жуков
Галина Стеценко
Галина Талалаева
Дмитрий Шостак
Евгений Кубасов
Евгения Сафонова
Елена Вадюхина
Зоя Донгак
Ирина Силецкая
Лариса Желенис
Людмила Прусакова
Михаил Фадеев
Наталия Моржина
Наталия Ячеистова
Наталья Пушкарёва
Николай Глазунов
Нина Гаврикова
Нина Шамарина
Олег Александров
Олег Гонозов
Ольга Борисова
Ольга Сушкова
Сергей Крюков
Тамара Селеменева
Таня Мороз
Татьяна Бирюкова
Татьяна Грибанова
Татьяна Кромина
Татьяна Медиевская
Татьяна Творожкова
Юрий Егоров

16+

Современная проза

Нина Кромина

Красная строка. Коллективный сборник №2

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Кромина Н.

Красная строка. Коллективный сборник №2 / Н. Кромина — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-94844-0

Второй сборник литобъединения «Литературная лаборатория "Красная строка"» почти весь посвящён любви. Всё многообразие этого чувства описано разными словами и с разной интонацией тридцатью девятью современными авторами рассказов, миниатюр и эссе. Прочтите об уютно-семейной или головокружительной и искристой, как брызги шампанского, мимолётной или пронесённой сквозь годы, на улицах Амстердама или «под роялькиком», космической или сельской, разрушительной или возвышающей любви между мужчиной и женщиной, а также о любви к родине, родным, друзьям, родному языку, своему делу. Читая сборник «Красной строки», вы будете умиляться, ужасаться, смеяться, грустить, вы непременно вспомните что-то подобное, пережитое вами, узнаете нечто совершенно новое, встретите неожиданное в давно известном. Главное же, вы почувствуете вкус к жизни, ощутите на себе действие той энергии жизнелюбия, что поднимает нас над обыденностью, расцвечивает будни и вселяет надежду и веру в счастье.

ISBN 978-5-532-94844-0

© Кромина Н., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Елена Яблонская. С просьбой о любви. Предисловие 5
Время любви. Рассказы 9
Лариса Желенис 9
Брызги шампанского 9
Дмитрий Шостак 17
Вещи и запахи 17
Виктория Чикарнеева 20
Вишнёвое варенье 20
Наталия Ячеистова 27
Портрет 27
Небесная обитель 30
Ольга Борисова 33
Паралич 33
Славик 36
Евгений Кубасов 41
Шабашники 41
Ольга Сушкова 47
Первые 47
Галина Стеценко 52
Оторвался 52
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Нина Кромина, Елена Яблонская Красная строка. Коллективный сборник №2

Елена Яблонская. С просьбой о любви. Предисловие

Второй выпуск альманаха «Красная строка» стал значительной вехой в работе нашего совсем молодого литературного объединения «Литературная лаборатория "Красная строка"», в отличие от первого выпуска, родившегося незапланированно, стихийно. Мы ведь поначалу не планировали ничего такого… Нам просто хотелось встречаться, делиться друг с другом своими новыми рассказами, читать и перечитывать вместе любимых авторов-классиков, обсуждать литературные новинки… Но, как часто случается в этой непредсказуемой жизни, в соответствии со знаменитым принципом «не было счастья, да несчастье помогло», вмешалась пандемия, изоляция, пришлось встречаться дистанционно, в режиме онлайн, затем – коли уж мы прочно и надолго засели в виртуальном пространстве – пришла мысль оформить написанные произведения в электронном же журнале. Предполагалось, что журнал будет закрытым, эдаким «междусобойчиком», сайтом для «своих». Поэтому мы с руководителем Лаборатории Н. А. Кроминой не стали отбирать произведения, для «внутреннего пользования», решили уж брать всё, что присылали авторы, – в самом деле, ведь обсуждаем-то мы всё и всех без исключения! Однако неожиданно наша более опытная коллега из Самары Ольга Борисова, главный редактор альманахов «Параллели» и «Крылья», предложила опубликовать новый сборник «Красная строка» в электронном издательстве «ЛитРес». Мы не стали отказываться, а всю работу по оформлению альманаха взяли на себя Нина Шамарина и Аглая Жданова. Теперь же, вооружившись опытом и приняв во внимание наши прошлые ошибки, разнообразные недостатки и недочёты, мы решили сделать и второй выпуск.

Итак, «Красная строка» №2. Если раздел рассказов в «Красной строке» №1 назывался «Длиною в жизнь» (потому что рассказывалось там действительно абсолютно обо всём – то есть просто о жизни), то в новом сборнике сразу бросается в глаза главная особенность: почти все рассказы посвящены любви.

Долго мучится со своей поздней, быть может, последней любовью к загадочному Вячеславу Светлана из рассказа Ларисы Желенис «Брызги шампанского». Ах, как хорошо нам знаком этот тип мужчин – весёлых, лёгких, обаятельных, любвеобильных, напоминающих брызги шампанского – Вячеслав обманывает и жену, и нескольких любовниц, годами живёт на несколько семей, каждую из несчастных женщин держит «про запас», на всякий случай… Так хочется верить, что Светлана, тяжко переболев, всё-таки встретила настоящего друга – ставшие символическими «брызги шампанского» присутствуют и в её новой жизни уже обретают новый смысл. То ли дело основательное ароматное варенье (рассказ «Вишнёвое варенье» Виктории Чикарнеевой), символизирующее семейственность, домашний уют! Его сначала варила бабушка героя (символичен и халат бабушки, пахнущий «луговыми цветами»), а потом тем же неспешным, полезным, уютным делом занялись повзрослевшие одноклассники. Они сначала предали свою любовь, наделали ошибок, но всё же вернулись друг к другу. Их любовь – настоящая, и верное вишнёвое варенье тому залогом.

Что ж, мы действительно всю жизнь окружены самыми разными продуктами питания, вещами, запахами… Об этом замечательный рассказ Дмитрия Шостака «Вещи и запахи». Этот немного грустный рассказ тоже о любви – к деду и бабушке, к дому, к родине. И влюбившаяся в художника героиня рассказа «Портрет» Наталии Ячеистовой мыслит «вещами», чудесными,

почти волшебными приметами быта и бытия, которые незаметно становятся символами, связующими людей: «*…Накрою стол на террасе, расставлю цветы. Будем сидеть, разговаривать, слушать музыку, смеяться и немного грустить… И наша беседа, подобно золотому пчелиному рою, будет медленно подниматься ввысь, прорывая облака, давая ход солнечному свету, который прольется на террасу, заполнив все пространство, бросив на пол узорчатые коврики, играя бликами на вазах и чашках, отбеливая и без того белые салфетки и стулья… И будет всем так радостно и хорошо, что не захочется расставаться*». И совсем другой – возможно, не столь по-европейски изящной, но зато прочно стоящей на родной земле – предстаёт семейная жизнь и любовь немолодых сельчан в добрых и смешных рассказах Ольги Борисовой («Паралич», «Славик»).

О селе и перекуривающих друзьях-шабашниках повествует и Евгений Кубасов («Шабашники»). Есть любовь в этом рассказе? А как же! Один из героев переживает за непутёвого (и от этого особенно любимого) сына, юный герой (ровесник сына), кажется, любит весь мир и обращает помыслы к звёздам, к устройству Вселенной… И вот в фантастическом рассказе «Первые» Ольги Сушковой мы узнаём (да мы это и всегда знали!), что любовь есть и будет повсюду – «на пыльных тропинках далёких планет», как поётся в старой песне. Под стать шабашникам Е. Кубасова и «типы Чапаевской улицы» – такой подзаголовок дал своему оригинальному рассказу «Скоромыкин-Скоротыкин, Сруль и другие» Михаил Фадеев. И этот рассказ – о любви! К родителям, к товарищам отца, к родному городу Куйбышеву-Самаре, к ушедшему времени.

Но, конечно, главной остаётся тема любви мужчины и женщины. Светлая и счастливая, хотя поначалу такая тревожная – ведь всё ещё неизвестно и непонятно! – первая любовь из автобиографического рассказа Зои Донгак «Время любви», по которому мы назвали весь раздел рассказов. « *– К вам всем – что мне, ни в чём не знавшей меры, // Чужие и свои?! – // Я обращаюсь с требованьем веры // И с просьбой о любви…* » – написала двадцатилетняя Марина Цветаева. Так и все наши герои, без различия пола, возраста, профессии, обращаются к мирозданию с просьбой о любви – возможно, не с такой громкой, пафосной, всё-таки «требовательной» просьбой, чаще смиренной, усталой, почти безнадёжной… Ведь любовь наших героев, а особенно героинь, большей частью мучительна, выстрадана.

С огромным трудом, напряжением всех душевных сил заставляет себя «оторваться» от соблазна в лице молоденькой девушки герой рассказа Галины Стеценко («Оторвался»). Невероятно тяжелы «отрывы» в рассказах Нины Кроминой: отказ героини рассказа «Был бы сад…» от любимого дела и любящего, понимающего её человека стоит ей жизни, а герой рассказа «Минуты веселья» именно «отрывает» от себя женщину, носящую под сердцем его ребёнка. Поистине, страшен рассказ Нины Шамариной «Чужеродная» – ради любви к мужчине и связанных с ним смутных надежд героиня предаёт больную дочь. Не дай Бог никому из нас так «любить»! Но вот, кажется, и «золотая середина» – рассказ Александра Сизухина «Кардио». О том, что можно (и нужно!) любить в любом возрасте, что любовь может быть тайной, «незаконной», ведь сердцу не прикажешь, но надо всегда оставаться человеком, помнить, что есть вещи гораздо важнее, выше твоего «половодья чувств». Мы и поместили это мудрый, взвешенный, очень глубокий, многогранный рассказ о любви и о жизни в самую серединку, «сердцевинку» сборника.

Надежда на счастливую любовь остаётся всегда, а иногда мечты героев о любви сбываются вопреки очевидным на первый взгляд препятствиям (рассказ Николая Глазунова «Надежда»). Думается, ответ на вопрос, когда и почему человек бывает счастлив в любви, отчасти кроется в рассказах многих наших авторов, и мы приглашаем читателей ещё раз задуматься об этой вечной проблеме.

Поначалу мы планировали не выделять рассказы о детях и для детей в особый раздел, потому что и эти рассказы – о любви. Например, о желании надувного мячика (Елена Вадюхина, «Странствия надувного мяча») помогать людям, самоотверженно служить им (вот при-

мета настоящей любви!) или о волшебниках-врачах и о том, что каждый искренний, желающий добра человек может стать волшебником (рассказ Юрия Егорова «Волшебники»). Но показалось невозможным совместить эти чистые, хотя и нередко грустные рассказы с такими жестокими или ёрническими произведениями как «Удар» Тани Мороз и «Женя, Женечка и рояльчик» Алёны Кубаревой. Но и отказаться от жёстких рассказов мы не имели права – что поделаешь, любовь часто бывает и такой.

Завершают раздел рассказов о любви две прекрасные, поэтические вещи Галины Талалаевой «Formika rufa – муравей обыкновенный» и «Кленовые листья». Действительно, это почти стихотворения в прозе. О чудесных, таких красивых, к сожалению, безвременно ушедших из жизни людях, об их любви к родной земле, к труду на ней, к природе, к великому русскому слову: «*Круг опавших листьев повторяет контур кроны клёна. Он сияет ровно, словно слепок солнца. Чистый цвет! Осенняя палитра до восторга превозносит душу… Но тихонько усмехнётся мистик, видно знает, что нам сердце сушит вдалеке от дома и любимых. Вот и клёны на предзимье стынут, раздарив счастливые билеты тем, кто верит в возвращенье лета. И однажды, все сомненья скинув, благодать осеннего затишья вдруг предскажет перемену ветра…*» – читает молодая учительница литературы стихи неизвестного ей, уже умершего человека, и исполняется высокой любви и к нему, неизвестному, и к ученикам, и к своему благородному делу.

«Ветер перемен» – так назвали мы раздел миниатюр по одной из них, принадлежащих перу Евгении Сафоновой. Название этой миниатюры странно, волшебно, мистически совпало (почти, не буквально) с «переменой ветра», «предсказанной» в рассказе Г. Талалаевой «Кленовые листья». Волшебны, мистичны и остальные миниатюры Е. Сафоновой. Они очень разные, но все без исключения необычайно талантливы. Может быть, в силу этого обстоятельства я особо пристрастна к данному разделу нашего сборника.

Должна сознаться, что жанр миниатюры неожиданно оказался моей «поздней» любовью – раньше я писала только повести, рассказы и эссе. Попробовать себя в жанре миниатюры предложила участникам ЛИТО «Красная строка», как всегда, наш неутомимый организатор и руководитель Н. А. Кромина. Я попробовала – и стала горячей сторонницей и поклонницей этого жанра. Как указано в Википедии, «…миниатюра – малый **литературный жанр**. Название дано по аналогии с **миниатюрой** в живописи. Впервые термин «миниатюра» в России появился в 1925 году. Отличавшиеся малой формой, изяществом и тщательностью исполнения произведения стали называться миниатюрами». Добавлю, что миниатюры могут быть описательными, лирическими, например, зарисовки природы, а могут быть «миниатюрными» рассказами – с фабулой, сюжетом, завязкой, кульминацией, развязкой… – всё как полагается. А вот о миниатюре в музыке. Как-то я была на фортепианном концерте, и пианистка Дарья Каменева рассказала, что составила программу из миниатюр Бетховена (называемых по-французски «багателями», что значит, «безделушка») и Брамса. «Удивительно, – делилась со зрителями Д. Каменева, – что такие разные композиторы сошлись в одном: оба стали писать миниатюры на склоне лет, потому, вероятно, что жанр миниатюры позволяет концентрированно выразить очень многое необыкновенно глубоко и в совершенной форме, но необходимым для миниатюры лаконичным языком художник (даже такой гений как Бетховен!) овладевает только с опытом».

Итак, миниатюры наших авторов. По сути все они тоже о любви, хотя часто очень разнятся по форме. Есть «одиночные» миниатюры, как у Татьяны Медиевской («Человек, который меня удивил») и Татьяны Творожковой («Первая любовь»), есть миниатюры «парные», например, у Аглаи Ждановой и Виктории Чикарнеевой, но всё же большинство наших авторов предпочитает писать миниатюры циклами (мы будем считать циклом подборку из трёх и более произведений). По-видимому, тяготение к циклам – одна из особенностей жанра.

Открывает раздел миниатюр блестящий, на мой взгляд, цикл из трёх философских и очень лиричных миниатюр Нины Кроминой «Три времени одной жизни». Нельзя не отметить великолепнейший цикл «Акулинин луг» Татьяны Грибановой, написанный самобытным, уникальным и в тоже время вполне современным языком. Очень интересен цикл остроумных фабульных миниатюр Сергея Крюкова «Иссё луцца». Для меня стало очень приятным сюрпризом, что прелестные, чудные «Свиристели» Тамары Селеменевой из цикла «Моя весна» оказались нечаянно «зарифмованными» с моей миниатюрой «Прилетели свиристели» (Е. Яблонская, цикл «Времена года»). В самом деле, вроде писали, не сговариваясь, об одном и том же – и птички, и время года те же самые, – а получилось так по-разному.

Завершает раздел миниатюр небольшая трилогия Александра Королёва-Ивана «Журавли». И здесь особенно явно, как мне кажется, видно, почему автор может наиболее полно высказаться именно в цикле миниатюр. Начинается цикл весёлой, чуть ностальгической миниатюрой «Наше детство», следующая миниатюра «Журавли» преисполнена любви к родной природе и одновременно отсылает к знаменитой, легендарной песне на стихи Расула Гамзатова, а завершает цикл не стихотворение в прозе, а настоящие, прекрасные стихи «Россия, вперёд!». Они записаны по воле автора в прозаическом виде и снова – о любви. О любви к Родине, а ещё, к сожалению, о войне, не той, минувшей, а о современной войне, которой так тонко, деликатно, сердечно коснулся в рассказе «Кардио» и Александр Сизухин. Спасибо вам, наши дорогие Александры!

Раздел очерков, эссе и рецензий, который мы назвали по рецензии Нины Кроминой «Разомкнуть мир», надеемся, действительно немного «размыкает» наш насильственно суженный пандемией мир. Опять «о странностях любви», о вечной проблеме отношений между мужчиной и женщиной рассуждает Ирина Силецкая в эссе «Женская логика». Татьяна Бирюкова «взывает к прекрасному» в рецензии на альманахи «Параллели» и «Крылья» наших друзей из Самары. Но настоящей жемчужинкой этого раздела стал, по моему мнению, дебютный рассказ «Шкатулка памяти» одиннадцатилетней Оли Кроминой (в редакции её мамы, Татьяны Кроминой), в котором она с огромной любовью рассказала о своём прадедушке, участнике Великой Отечественной войны.

Раздел «Разомкнуть мир», как и раздел миниатюр, оказался не чужд поэзии. Очерк о голландском художнике Н. Ячеистовой завершается замечательным стихотворением автора «Вермеер»: «*Дома, каналы, вода и тучи… // Но разве кто-то напишет лучше?*» Мы очень хорошо сознаём, что очень многие напишут гораздо «лучше», чем мы, и тем не менее, дорогие читатели, мы обращаемся к вам с просьбой не о снисхождении к не всегда совершенным произведениям, хотя среди наших авторов немало новичков, делающих первые, пока неуверенные шаги на литературном поприще. Мы просим вас о любви. Не к нам, к нашим героям. Полюбите их так, как любим их мы, попробуйте понять их и простить. Будем же всегда и все вместе находиться в пространстве любви, не выходить из него, жить в любви, по любви, по её парадоксальным, как правило, «беззаконным» законам – ведь иначе, похоже, нам всем просто не выжить.

Время любви. Рассказы

Лариса Желенис

Лариса Эдуардовна Желенис родилась в городе Дебальцево Донецкой области. Окончила Ленинградский технологический институт им. Ленсовета и Литературный институт им. А. М. Горького (семинары Владимира Цыбина и Владимира Кострова). Публиковалась в журналах «Наш современник», «ВЕЛИКОРОССЪ», «Литературная учёба», «Молодая гвардия», «КРЫМ», «Луч», «Полярная звезда», в «Петербургской газете», в интернет-изданиях «Невечерний свет», «Континент», «Артбухта», «Фабрика литературы» и др. Автор четырёх поэтических книг, член Союза писателей России. Живет в Ярославле.

Брызги шампанского

1.

Счастье миллионом тоненьких иголочек покалывало её всю – с головы до пят. «Эффект, словно пузырьки шампанского шипят и тают на коже», – уже погружаясь в какой-то необычно ласковый сон, лёжа в огромной кровати, успела найти сравнение Светлана. А искать было и не трудно – они же с Мишей только что, надев купальные халаты, вылезли из шуршащей пеной ванной шикарного номера в московском отеле «Рэдиссон». Здесь, на двадцать втором этаже одной из знаменитых «сталинских» высоток Москвы, они провели лучшую часть новогодней ночи – своего небольшого романтического путешествия в столицу. Как здорово придумал Миша – допить шампанское, лёжа в тёплой воде и наслаждаясь нежным общением друг с другом! К тому же они включили в телефоне послушать одну из своих любимых мелодий – танго «Брызги шампанского».

Когда-то давно, в детстве, Светин папа ставил шипящую пластинку на диск проигрывателя, и родители танцевали под эту музыку…Ведь надо же, как Миша похож на её отца Александра Петровича – такой же высокий и могучий, с красивыми длинными пальцами музыканта. И такой же добрый, открытый весельчак, душа компании. А сколько всего знает – основательно разбирается практически во всём! Хорошо, что они со Светланой вместе работают, вначале

общие дела их соединили, и вот, не прошло и полгода – Михаил под Новый год сделал ей предложение, и она сказала «да»!

«Да-да-да…да-да-да-да-да-да…», – в ритме танго пела её душа под «Брызги шампанского».

Все пять предыдущих лет успели проплыть перед наступлением сна у неё в мыслях, впервые не оставив неприятного осадка… А начинались-то они многообещающе романтично…

2.

– Здравствуйте, приятно познакомиться! Вячеслав, дизайнер, будем работать над книгой вместе, – приятный высокий мужчина, примерно лет сорока пяти, с тёмно-русой, уже седеющей шевелюрой, зайдя в кабинет, с интересом, слегка прищурившись, смотрел на Светлану, миловидную и загадочно печальную шатенку с большими синими глазами.

Ух! Вдруг замерло у неё сердце, а позже она, вспоминая этот момент, поняла, что любовь с первого взгляда в природе, оказывается, существует. За свои почти пятьдесят лет женщина впервые была словно околдована новизной нахлынувших чувств. Ранняя весна за окном, видимо, ещё добавила своих свежих красок.

Далее события развивались медленно, Светлана даже не сразу поняла, что, оказывается, тоже нравится Вячеславу. Она просто носила в душе нежный росток возникшей влюблённости, стараясь нигде и никому не выдать себя, с Вячеславом была приветливой и доброжелательной. Они уже несколько месяцев вместе работали над книгой – большим весомым изданием к юбилею машиностроительного предприятия, где Светлана Лапина трудилась в должности начальника отдела по корпоративной культуре. Лапина вела весь юбилейный проект, включая редактирование солидной книги об истории становления завода. Дизайнерская «контора», как называл своё любимое детище выпускник Строгановки, талантливый художник и дизайнер Вячеслав Оленовский, выиграла тендер на оформление фирменного стиля для предстоящего в конце октября праздника и на изготовление макета корпоративного издания.

Лапина и Оленовский часто виделись, вместе бывая на совещаниях, где обсуждались всевозможные детали проекта, иногда вместе обедали в заводской столовой. Однажды, доедая рис, Вячеслав вдруг обронил, что его семейная жизнь на грани развала. А когда Светлана в начале сентября затемпературила и не пришла на работу, Оленовский вдруг написал ей в сообщении: «Я могу привезти вам лекарства, фрукты… и почитать вслух, если захотите». После чего впервые появился в её скромной однокомнатной квартире с полными руками необходимых простудившемуся человеку гостинцев.

Когда пили чай, перешли на «ты». И Светлана, оттаяв душой, поделилась с Вячеславом своей горькой историей – развод с мужем-пьяницей, вынужденный уход с родного предприятия в девяностые для зарабатывания в ларьках денег на выживание с маленьким сыном, потом смерть родителей и уже год назад – случайная гибель единственного сына, которому успело исполниться всего двадцать пять лет. Сейчас – на антидепрессантах, интенсивная работа тоже спасает, но жизнь иногда кажется ненужной и бесполезной, словно измятая пустая консервная банка.

3.

Встреча с Вячеславом показалась отчаявшейся Светлане тоненьким лучиком просыпающегося на рассвете солнышка, света её надежды на новую жизнь, наполненную радостью любви. Вячеслав умел найти нужные слова, нужный тон, умел тонко пошутить, всем своим поведением давал понять, что он в отношениях готов идти навстречу, и женщина всё больше влюблялась, жила околдованной своими исцеляющими душу чувствами.

Постепенно они стали уже Славой и Светой. Слава поделился, что он в этом городе живёт шесть лет в квартире у обеспеченной гражданской супруги Ольги, есть двухлетний ребёнок. С самого рождения малышки пошли для него какие-то неприятности, а вот теперь его периодически «выгоняют из шикарной квартиры», поэтому приходится жить «в вонючем офисе», то

есть в арендуемом их дизайнерской фирмой помещении, а возвращается он в квартиру Ольги после примирений только ради дочери, которую обожает и сильно страдает без своего маленького Верунчика, ведь Ольга в периоды ссор запрещает ему видеться с ребёнком. Правда, Слава как-то признался, что с появлением в его жизни Светы, он часто ловит себя на мысли, что, играя с маленькой дочуркой, думает с нежностью не только о Верочке, но и одновременно – о Светлане… Нечастые в таком же духе признания Вячеслава заливали нежностью настрадавшееся сердце осиротевшей женщины. Вскоре она сумела отказаться от антидепрессантов, ведь теперь Света принимала настоящее натуральное лекарство – любовь в чистом виде.

На праздновании юбилея завода произошёл настолько эффектный эпизод, что Лапина почувствовала себя просто окрылённой. Она сидела на крайнем, прямо у центрального прохода к сцене, кресле, в огромном, торжественно оформленном, битком заполненном сослуживцами зале. Шло захватывающее выступление известных приглашённых на праздник «звёзд эстрады». Вдруг в полумраке справа от неё на одно колено опустился опоздавший на представление Оленовский, непонятно, каким образом её вычисливший среди почти двух тысяч человек. Он что-то горячо зашептал ей на ухо, Света теперь бы даже и не вспомнила, о чём шла речь, возможно даже о документах по работе. Но отчётливо помнит, как знакомые и незнакомые люди стали с интересом оглядываться на эту импровизацию в зрительном зале, оторвавшись от основного сценического действа. «Боже мой, да он при всех проявляет ко мне чувства», – смущённо думала она, а её сердце шоколадно таяло. «Вы что там, целовались, что ли?» – спрашивали потом сидевшие вдали от неё приятельницы, видевшие, как Оленовский, согнувшись, пробирался через весь зал к Свете. А после окончания концерта влюблённые, взявшись за руки, впервые при знавших и не знавших их людях, прошли на выход через весь зал, торжественно, как по голливудской красной дорожке, под множеством острых, но приятно покалывающих Лапину взглядов (во всяком случае, так ей тогда это представлялось). Ох, и крепко же это врезалось в память…

4.

– Скоро Новый год! Мы же будем встречать его вместе? – спросила с тревогой по телефону Света за неделю до межгодового рубежа, поглядывая на купленную заранее бутылку Советского шампанского, скромно дожидавшуюся за стеклом шкафа своего торжественного часа. Но получила очень уклончивый ответ – Оленовский был мастер уклончивых ответов. А она уже месяца два жила в постоянном непонимании, где в данный отрезок времени живёт Вячеслав. Он объяснял Свете, что когда возвращается пожить у Ольги, то обитает в отдельной комнате, укладывает спать малышку, рассказывая той сказки собственного сочинения, по утрам отводит в садик – то есть живёт там исключительно ради дочери, а с Ольгой отношения вежливо холодные, никакой близости уже давно нет. Со Светой он был постоянно на связи в «ватсапе», от него часто приходили ласковые сообщения, подкрепленные сердечками и значками поцелуев, однако любимый бывал у неё дома нечасто. Да ещё постоянно находился в разъездах. Однажды, вскоре после случая на юбилее, в переписке договорились, что Слава приедет вечером после работы в гости, она заранее приготовила курицу с грибами, испекла свой фирменный пирог с брусникой, но в назначенный час вместо Славика пришло радостное сообщение: «Солнышко, еду в поезде, связь сейчас прервётся, поэтому пишу, чтобы ты не волновалась и не ждала сегодня. Срочный московский заказ – везу макет для выставки, потом проеду в Серпухов, к маме. А на обратном пути заеду ещё к старшей дочери. Когда вернусь – не решил. Целую, обнимаю, милая…»

От второго брака у любвеобильного друга в Подмосковье вместе с бывшей супругой Настей жила двенадцатилетняя дочь Ирочка, с которой рассеянный папа общался время от времени проездом уже лет десять… Был ещё первый брак, да и кто знает сколько историй, окончившихся без зачатия младенцев. Об этом Светлана постепенно узнала от раскрывающегося, словно большая матрёшка, Оленовского за время их более тесного, чем вначале, знаком-

ства. Но предпочитала не придавать этим фактам и своим домыслам основополагающего значения. «Главное – наши со Славочкой нынешние чувства, остальное – неважно, когда любишь», – успокаивала себя она. Правда, за всё время, даже в моменты счастливого интимного общения, Оленовский ни разу не сказал ни одного слова из изрядно потрёпанного, но вечного словаря любви, а ведь этого ждёт каждая влюблённая женщина. Но Света терпеливо верила, что обязательно их услышит, всё лучшее – впереди, ведь с каждым его визитом к ней отношения крепли, у них появились общие фразочки с намёками, понятные только им двоим, и множество других мелочей и совместных воспоминаний, которые со временем обычно всё прочнее связывают любящих.

Вернулся беглец 30 декабря, правда, он появился у Светланы пока в «ватсапе», но пообещал приехать на следующий день «часикам к девяти вечера». А это значило, что новогодняя ночь для них будет совместной (во всяком случае, так с надеждой поняла Светлана). С новым душевным подъёмом она побежала в магазин за продуктами, а вернувшись, включила в плеере своё любимое танго «Брызги шампанского» и начала, напевая, резать салаты, тереть морковь и свёклу, тушить картошку с мясом, делать клюквенный морс и ещё с десяток всевозможных приятно утомительных предновогодних дел.

– Не смогу приехать, – резко выдохнул в телефон Славик в двадцать один тридцать, – ищу Верунчику живую ёлку, Ольга велела.

– Так ты что же, сейчас снова у неё живёшь?! – Света отчаянно старалась сохранять олимпийское спокойствие. – Почему же мне вчера не сказал? А я столько всего вкусного наготовила, – почему-то она старалась не показать главную обиду и говорила о не столь важном – о еде, как о чём-то основном, из-за чего только и можно расстраиваться в таких случаях.

– Ну, тогда раздай эту еду бедным, – раздраженно отозвался Оленовский, и его телефон затих до следующего года. Лапина собрала наготовленные яства, достала из-за стекла бутылку шампанского и побрела встречать Новый год к соседям.

5.

– Твоё приглашение в гости ещё в силе? – с какой-то жёлтой папкой под мышкой Слава понуро стоял без шапки на февральском ветру у одного из высаженных вдоль корпуса заводоуправления жалких туевых деревьев. Пятнадцать минут назад он звонком на мобильник вызвал Лапину из кабинета на улицу, поскольку пропуска у него уже не было – контракт с заводом завершился в конце прошлого года.

Как ни странно, Света простила его, хотя, наплакавшись за месяц, уже было решила, что больше не хочет продолжения такого нелепого романа. Но любовь, как известно, слепа. Да ещё и, оказывается, глуха – совсем ведь не слышит голоса разума! Как сумел околдовать её этот Оленовский? Он снова грустно рассказывал свою историю, как в очередной раз оказался выставлен за дверь «шикарной квартиры», что соскучился по Верунчику, что в «вонючем офисе» коллега-дизайнер завалил окурками всё вокруг, а ему приходится всегда одному делать уборку…

Вечером того же дня, доедая приготовленную Светой на скорую руку шарлотку, Славик, разомлев, торжественно предложил: «Разреши тебе на день рождения преподнести макет твоей будущей книги, ты же, помнится, собиралась издать свои накопившиеся работы на социальные темы, вот и выпустим красиво оформленное издание к твоей круглой дате, а?» И он достал из той самой жёлтой папки набросанные им ранее эскизы обложки. Что и говорить – от такого сюрприза Лапина засияла, словно хрустальный бокал, и, забыв все обиды, с новым энтузиазмом окунулась в чудесный и обнадёживающий роман.

6.

В мае Светлана отмечала своё пятидесятилетие без Вячеслава. В кафе её поздравляли близкие подруги и коллеги по работе, в том числе весёлые, неунывающие профсоюзные активистки. Гости очень старались скрасить грустный праздник, но градус настроения юбилярши

был почти на нуле, а среди подарков ни книги под авторством С. Лапиной, ни даже намёка на обещанный макет, конечно же, не значилось.

Славик появился дня через два, снова вызвал Лапину к выстроившимся в шеренгу туям и преподнёс букет красных роз, с какими-то уж очень мелкими головками, что сразу неприятно бросилось в глаза Свете. К праздничному букету было добавлено будничное устное сообщение, что снова он нянчится с Верунчиком, водит её по утрам в детский садик. «Вчера Верочка так капризничала, с мамой не хотела идти, так я уговорил её надеть розовые колготки на голову, чтобы получился кролик с длинными ушками, вот мы с ней и пошли вместе в садик – подружку Алёну удивлять», – не без гордости похвалился своими педагогическими успехами Оленовский. Сухо поблагодарив за поздравление, Светлана ушла, не взяв розы.

7.

В июльский двухнедельный отпуск Лапина укатила на один из итальянских островов, чтобы новыми впечатлениями заглушить свои разочарования в личной жизни. Отдых, как это и ожидалось, принес много ярких эмоций – ласковое море, вкусная еда, наслаждение термальными источниками, красоты природы и однодневные экскурсии по городам Южной Италии, всё это помогло Светлане найти душевный покой. Она неторопливо общалась с одной семейной парой из Москвы или, уединившись, читала не напрягающие мозг женские романы в свободные от экскурсий дни.

Отпуск подходил к завершению, Света просматривала накопившиеся фотоснимки в телефоне, как вдруг раздались знакомые позывные, принадлежавшие только Оленовскому. В своём сообщении тот по-деловому рапортовал, что долгожданный макет её книги готов и ждёт авторского согласования. Вслед за этим пришло послание о переменах в личной жизни Вячеслава: «Ушёл от Ольги окончательно. Снял квартиру. Начал строить собственный дом. Сейчас у меня гостят мама и старшая дочь Иришка. Но мне не хватает тебя… Лапочка…»

8.

Светлана впервые в жизни держала в руках новенькую книгу собственного сочинения. Погожим сентябрьским деньком они сидели со Славиком на лавочке во дворе за почтовым отделением. Полчаса назад работник почты выдала ей по извещению сигнальные экземпляры тиража книжки автора С. Лапиной «Особенности социальных и производственных взаимоотношений в новое время», красиво оформленную В. Оленовским, вышедшей в московском издательстве. Оленовский пришел на заранее назначенное место их не совсем делового свидания. Прощающееся ласковое солнышко приятно пригревало и как будто обещало ещё новое счастье. И Света снова поверила! Вячеслав был внимателен и предупредителен, радовался их совместному детищу и был горд собой. Всё-таки он сдержал слово, и эта книга увидела свет! Он взял вдохновлённую спутницу за руку и, поднявшись с лавочки, они вышли из тихого дворика под арку на широкий шумный проспект закипевшей по-новому жизни.

9.

Строительство дома у Оленовского продвигалось черепашьими темпами. Вернее, до самого появления дома было ещё очень далеко. В реальности существовал только приобретенный недавно земельный участок за городом и мысленный проект, а Славик вместе с одним знакомым «мастером на все руки» занимались пока утеплением купленного по дешевке Оленовским строительного вагончика, чтобы до приближающейся зимы Слава успел перебраться из снимаемой квартиры в это, пусть не совсем полноценное, но всё же тёплое жильё.

Теперь Вячеслав приезжал к Светлане регулярно два раза в неделю с ночевками и рассказывал ей в подробностях о своих наполеоновских планах и о продвижении отделочных работ. Она к его приезду готовила разную вкуснятину и всей душой поддерживала все его начинания, надеясь, что в будущем, когда дом наконец будет построен, она переступит новый порог в качестве жены и хозяйки.

10.

– Милый, ужин остывает, ты когда будешь? – Света пребывала в хорошем настроении и позвонила Славику, который слегка задерживался после работы.

Они уже с декабря полгода вместе жили у неё. Всё случилось просто и естественно: наступила зима, вагончик утеплить не успели, и Оленовский, как ни в чем ни бывало, сказал, подвозя как-то её на работу на недавно приобретенной старой колымаге «копейке»: «Слушай, я пока поживу у тебя, так надоело съёмное жильё!»

Света, конечно, не так представляла ожидаемое предложение руки и сердца, но виду не подала, согласилась. Слава в ближайшие выходные перевёз к ней небольшую часть своих вещей, а остальное перетащил, съехав с квартиры, в вагончик, который потом так и остался недостроенным. И второй Новый год они снова не встретили вместе – Слава сразу после переезда отправился в Серпухов, потом несколько раз курсировал от мамы к Ирочке и обратно. К Свете он вернулся уже после новогодних каникул, правда, во время отсутствия был постоянно на связи в «ватсапе» ласковым, нежным и внимательным.

– Светик, у нас тут ещё в разгаре заседание, – без задержки ответил Вячеслав, – ты, наверное, не жди. Мне потом ещё целый час народ по домам развозить в разные концы города. А заночую я у Макса.

У Светланы опустились руки. Как же ей не нравились эти дурацкие мужские заседания, где с недавних пор стал пропадать Оленовский. В соцсетях набирало силу модное мужское движение, кратко именуемое МД, а Вячеслав всегда живо интересовался всем нетривиальным – любил конспирологические теории, мог зависнуть в сети онлайн на какой-нибудь лекции по очищению ауры или проездить на своей «копейке» всю субботу с кришнаитами по окрестным деревням, распространяя их агитационную литературу. Теперь вот нашёл себе «соратников», у которых не удалась семейная жизнь – они считали во всех на свете бедах виноватыми исключительно женщин и ядовито пропагандировали свою теорию, подкрепляя её грубыми роликами о семейных скандалах, а уж такие видео во множестве можно набрать в услужливом любому вкусу интернете.

С недавних пор Славик увлеченно рассказывал Свете, лёжа перед сном и обнимая её одной рукой, как «соратники», предварительно списавшись в соцсетях, собираются, человек по двенадцать-пятнадцать, у кого-нибудь из них на квартире. У каждого в группе своя роль.

Есть, к примеру, юрист – ему поручено подготовить грамотный документ в защиту отцов, с которых берут незаконно, как они считают, алименты. Славик также надеялся на юридическую помощь группы – мечтал наладить общение с Верунчиком, он ведь был лишён этого после окончательного разрыва с Ольгой. Вячеславу лидер группы тоже давал задания – красиво оформить объявление об очередной сходке, нарисовать эмблему местного МД. А вообще уже существует целая сеть МД-движения в разных городах.

Заинтересовавшейся поначалу Светлане Слава читал посты «соратников» в соцсетях и комментарии к ним, от которых её скоро начало мутить. А ещё тревожно было слушать, как частенько сходки, где бывал Славик, заканчивались пьяными потасовками между не находящими иногда общего языка «друзьями по несчастью».

11.

– Привет! А вот и мы, зашли на огонёк погреться, – на пороге стоял подвыпивший Славик вместе с долговязым, лет на десять моложе его, мужчиной, от которого изрядно разило перегаром. Ещё Лапина обратила внимание на смятый боксёрский нос и острый кадык гостя.

– Светик, знакомься, это Макс. Он у нас – экстрасенс!

Потом, разуваясь, добавил:

– Мы так промокли, на дворе сегодня суровый ливень. Всё, бабье лето – тю-тю! Бр-р-р! Опять ты слушаешь эти «Брызги шампанского», – скривился он. Но тут же подобрел, почуяв вкусный запах из кухни. – Если ты нас покормишь ужином, Макс покажет тебе мастер-класс.

Света, вздохнув, подумала, что пусть лучше вместо заседания мужского движения Слава проведёт этот вечер с одним из «соратников» у неё в квартире.

За ужином Слава настаивал, что Свете необходимо снять накопившееся нервное напряжение, чтобы ушли головные боли, тревога и депрессия. «Вот Макс недавно меня так хорошо вылечил, у него целительная аура. Понимаешь, этому человеку даны такие способности – о!.. я побывал почти в нирване, а после – просто как новенький стал, так что – рекомендую. И заметь, первый сеанс – бесплатно!»

Мастер-класс Макса продлился полчаса при восхищённо молчаливом участии Славика. Вначале «экстрасенс» сидел перед Светланой на стуле и тяжёлым взглядом смотрел ей в глаза, иногда спрашивая: «Что вы ощущаете сейчас?» или «О чём вы сейчас думаете?» Потом он предложил вообразить какой-нибудь простой предмет вроде монеты или теннисного мячика и постараться мысленно в него переселиться. Затем описать свои ощущения, вроде бы одушевить таким образом этот предмет. Света всё ей предложенное послушно выполнила, а закончился сеанс опять долгим тяжёлым взглядом Макса.

– Ну как, стало легче? – Макс требовательно ждал оценки его лечебного метода.

– Да! – радостно выдохнула Светлана и не удержалась от иронии, – мне легче! Легче, от того, что всё это закончилось!

12.

Приближался третий в их истории с Оленовским Новый год… На календаре было снова 30 декабря. Вячеслав позвонил, что задержится. Вначале он «добьёт» макет последнего предновогоднего заказа, а то «клиенты его растерзают», потому что он, как обычно, не смог рассчитать своё время и слишком затянул с делами. А вечером сегодня у самых спортивных из «соратников» по плану вырисовывалось занятие в секции по боксу, куда неспортивный по своей природе Славик с энтузиазмом записался несколько месяцев назад вместе с Максом.

С момента знакомства они стали с ним просто «не разлей вода». Слава постоянно возил Макса на своей «копейке» по разным делам по городу, часто оставался у него ночевать. Они могли вести бесконечные философские разговоры. Максиму родители выделили однокомнатную квартиру, а работал он охранником в гипермаркете и даже был награждён за отличную службу грамотами за пойманных магазинных воришек. А вот в личном у друга не сложилось, от него по непонятным причинам уходили все девушки.

Слушая Славиковы восторги насчёт брутального друга, Света начинала уже ревновать любимого. Но успокаивая себя, оправдывала его: «Славочка – творческая, неординарная личность, таким свойственно увлекаться. Это всё – для вдохновения! Он же у Максима ночует, не у девушки, в конце концов».

Приехал Оленовский за полночь, Света не спала, дожидаясь его.

– Вот, заезжал ещё сегодня в гипермаркет за подарками маме, Иришке, тебе… Пробежался – везде одно и то же, какие-то наборы ерунды ненужной. Искал что-нибудь для тебя по хозяйству, да потом подумал – у тебя есть абсолютно всё. Зато «дворники» на свою «копейку» приобрёл. А то как бы поехал в дальнюю дорогу – завтра пургу обещают…

– А куда ты собрался?! Завтра же Новогодняя ночь… – у Светланы потемнело в глазах от нехорошего предчувствия.

– Да, с мамой ещё вчера решили, что я приеду к ней.

– А со мной почему не обсудил?

– Ну, ладно, не обижайся, это же мама, ей скоро восемьдесят три…

Свете вспомнилось, что всякий раз, когда она предлагала либо вместе съездить в Серпухов, либо пригласить Александру Владиславовну к ней в гости, Оленовский находил поводы уклониться от таких предложений, но регулярно передавал приветы и в ту, и в другую стороны, поскольку заочно женщины знали друг о друге от него. Света догадывалась, что Славик побаивался своей одиноко живущей матери, ещё бодрой «бывшей строгой училки».

Рано утром 31 декабря Славик, собрав сумку своих вещей, укатил от Светы и, как выяснилось потом, из её города – навсегда.

13.

Правда, это выяснилось не раньше, чем через три месяца. Всё это время он зачем-то постоянно писал ей, звонил по скайпу, беспечно обнадёживая, что скоро приедет, что будет достраивать дом, а пока занят долгоиграющим серпуховским заказом на производство рекламного фильма о вездеходной технике. Но постоянно что-то мешает его доделать – то они с напарником ждут, когда повалит снег, то нет ярких солнечных дней, а это всё обязательно нужно по сценарию. А ещё он якобы делает для Лапиной макет её следующей книги и даже присылал какие-то иллюстрации в доказательство этого факта. Светлана почему-то снова «повелась» и снова ждала «у моря погоды».

Но однажды, в начале апреля она встретила в городе Макса, который сказал, что вчера помогал Славке загружать машину его оставшимся барахлом, что Славка совсем переехал в Серпухов. «Как же он смог так поступить – быть здесь и не заехать ко мне?» Света написала об этом Славе, но тот ничего не стал объяснять, а лишь налил в ответ елейных извинений.

Целый год после этого он поддерживал якобы дружеские отношения, неожиданно появляясь у Лапиной в «ватсапе», фейсбуке, инстаграме то с лайками, то с поздравлениями к праздникам, то с предложением каких-то эфемерных дизайнерских проектов лично для неё. А потом она поняла из соцсетей, что он там, у себя в Серпухове, женился, но не выпускал, видимо, на всякий случай, Светлану из зоны своего обнадёживающего внимания.

14.

Прошло ещё полгода. Света жила настолько разочарованной в жизни, что, казалось, уже ничто не сможет снова оживить когда-то цветущую женщину. Тяжело болела. А потом наконец-то сжалившаяся судьба послала ей Мишу. Не придуманного, настоящего. И это, слава Богу, уже совсем другая история…

Дмитрий Шостак

(1984–2012)

Дмитрий Шостак родился в Крыму. Детство прошло во времена развала Советского Союза. Окончил Российский государственный геологоразведочный университет по специальности «геммология». С 2010 по 2012 гг. – слушатель Высших литературных курсов Литературного института им. А. М.Горького. Автор стихов, прозы. Публикации в журнале «Москва», альманахе «Точки». В 2013 г. вышла персональная книга «Пластик», в которую вошли все рассказы, стихи и повести. Увлекался экстремальными видами спорта.

Вещи и запахи

Тридцать часов без сна, восемнадцать часов за рулем, и осталось проехать всего сто километров. Если не спать более суток, все кажется незначительным, а сам становишься спокойным и невосприимчивым. Наверное, путаю сонливость со скукой. Монотонность дороги разбавляю ненужными обгонами. Я и автомобиль – один механизм. Проверяю систему: скорость сильно не превышаю, бак наполовину полон, внимание в норме, глазомер исправен, реакция на допустимом уровне. Скучно. Никаких особых эмоций, ни воспоминаний, ни ожиданий.

Дорога поднимается на холм, и с него теперь виден поселок, в котором я вырос: двухэтажные дома, зелень и выпирающий цех судостроительного завода. Спокойствия больше нет – я, словно вор, крадусь в собственное детство, боясь разоблачения. Проезжаю еще немного и останавливаюсь. Дорога зажата с двух сторон водой: справа – море и дикий пляж; слева – гладь соленого озера, за ней через три километра разобранное железнодорожное полотно, а за ним степь. Она видна отсюда, с тонкой и непрерывной, как лезвие бритвы линией горизонта. Степь тянется до самого Азова.

Оставляю машину у обочины и иду к пляжу. Песчаная тропинка ведет через колючки и сухую траву. Чтобы ноги не вязли, наступаю всей стопой сразу. Ветер с моря холодит руки. Я сразу узнаю этот особенный запах, со слегка сладковатым оттенком гниющих водорослей. Так в детстве пахнет постель, если часто ходишь на море и долго не моешься. Во дворе этого запаха не чувствуешь, там все пахнет солнцем. Двор – пустырь со скелетами качелей – всегда настолько обильно залит светом, что, выходя из подъезда, слепнешь, и звуки становятся глуше. Уже к началу лета во дворе ни одной травинки, только сухая земля. Тепло лучей на коже и

запах пыли – так пахнет солнце. Этот запах можно услышать и в степи, и необязательно летом. На юге весна приходит раньше, и уже в феврале пасмурных дней становится все меньше и меньше. Можно, сачканув с последних двух уроков, не сказав никому из друзей, свернуть с тропинки направо, обогнуть гаражный кооператив и дальше по грунтовой дороге уйти гулять в степь. Солнце греет, и если нет ветра, то совсем не холодно. Степь сухая и серая. Так можно гулять, не думая ни о чем, подхваченный чужой волей, один, два, три часа подряд, будто ты зверек, а эти серые травы – твой дом; дышать воздухом, подобно морским млекопитающим, в каждый вдох вкладывая мысль. Над степью темно-синее небо, глубокое как море. Его отмыло за зиму, но к лету оно снова станет выцветшим, светло-голубым.

Возвращался я всегда вдоль железной дороги. Линия вела к заводу, и по ней, кроме товарных вагонов, ходил еще пассажирский состав для рабочих: дизель и четыре плацкартных вагона. Когда состав шел мимо домов и улиц поселка, он был обычным стучащим колесами поездом. Но здесь, в степи, поезд становился «настоящим», приехавшим издалека, в его вагонах интересные люди – путешественники. Они сидят за столиками, рядом лежат книги, перед ними стаканы с чаем. За окном виднеется море, вдоль берега идет шоссе, рядом голое озеро, а прямо под насыпью стоит маленький мальчик в школьной форме и машет им рукой.

Морской ветер и запах, принесенный им, потянул меня в магический мир детства, туда, где ночами по коридорам бродили привидения, а у каждой вещи в комнате был свой второй, скрытый смысл. В детском садике нам всем нужно было рисовать «космическую ракету в космосе», и важным в рисунке была надпись «СССР» на борту. Ее выводили в самом конце с особым наслаждением. Но я не мог этого сделать. У меня была картонная коробка фломастеров «Батуми» с фотографией набережной: большая пальма, угол красивого дома и «Волга» у тротуара. Я знал, что нельзя написать фломастером из этой коробки «СССР», потому что в Батуми идет война, и СССР больше нет. Воспитательница улыбалась, смотря на мою ракету, на которой было написано СНГ, у нее был смущенный вид и непонимающие глаза. Тогда у всех взрослых были такие. Особенно у дяди Гриши, когда он рассказывал моему отцу, как служил в охране ядерного арсенала на Кизил-Таше, и как в части, до расформирования, даже еще до того, как вывезли последние «изделия», уже составлялись списки распродаваемого имущества: военные ЗИЛы, ГАЗы и прочее.

Помню, когда нам выдали буквари, и мы что-то проходили на первых страницах, я всегда пролистывал вперед, где на развороте была карта страны с мультяшно нарисованными лесами, реками, верблюдами и полярниками. Я пытался представить их всех и думал, как же так вышло, что из всех мест на земном шаре я родился именно здесь. Я чувствовал единение с этими людьми, когда из радиоточки в дедушкиной квартире «Маяк» сообщал: «в Петропавловске-Камчатском полночь». Значит, и там живут люди, говорящие со мной на одном языке, которые уже легли спать, хотя здесь еще даже не наступил вечер. Я уже учился в институте, когда умерли дед и бабушка. Для раздела наследства следовало продать недвижимость. Процесс освобождения квартиры проходил волнами: приезжали одни родственники, уезжали, потом приезжали другие. Еще до похорон, разошлись более ценные вещи, позже – менее ценные, потом оставшееся рассовывалось по друзьям и знакомым, чтобы не выбрасывать. Последним освобождал квартиру я. В день отъезда, не разуваясь, я обходил пустые комнаты. В бывшей спальне на полу стояли настенные часы, и к ним была прислонена трость. Красивая трость с удобной ручкой, подаренная бабушке. Она не сразу начала пользоваться ею, берегла. Давным-давно для бабушки я придумал одну хитрость. Совсем маленьким я слышал, что люди очень сожалеют, когда не успевают проститься с умершими родными. «Тогда почему же с ними не проститься, пока они живы?» – думал маленький мальчик, лежа головой на коленях у бабушки, а она гладила его по голове, и он прощался с ней. Представлял, что когда-нибудь она умрет, возможно, совсем скоро, и поэтому следует проститься сейчас, чтобы не испытывать горечь потом. А бабушкина рука гладила и гладила. Эта же рука, которая сжимала рукоятку

трости. С дедом таким образом проститься я не успел. Часы, которые стояли на полу, раньше висели в гостиной. Дед каждое утро становился на стул и заводил их. Или выставлял время, потому что маленькие вредные дети останавливали часы, чтобы они своим боем не мешали спать ночью. Если в одно и то же время совершать одни и те же действия на протяжении многих лет и при этом загадывать одно желание, то можно рассчитывать на чудо, настоящее сверхъестественное чудо. Возможно, дед добивался какого-то чуда, возможно, даже добился.

Эти две вещи, стоящие в абсолютно пустой квартире, в пустой спальне с пыльными обоями и тусклым паркетом, открыли для меня свой второй смысл. Их нельзя выбросить, продать или оставить на память. Они жили здесь, где раньше жили два человека.

От ветра пробирает озноб, солнце клонится, и в озере отражается небо. Надо ехать дальше, осталось всего пару километров

Виктория Чикарнеева

Виктория Чикарнеева родилась в 1987 г. в Ростовской области. В 2009 г. окончила Южный федеральный университет (факультет социологии и политологии). В 2008 и 2009 гг. была финалисткой премии «Дебют» в номинации малая и крупная проза, соответственно. В 2011–2012 гг. участвовала в форуме молодых писателей в Липках. Печаталась в журнале «Наш современник». В 2020 г. публиковала рассказы в сборниках «Точки узнавания» и «Все будет хорошо», в 2021 г. – в сборнике «Калейдоскоп миниатюр». В настоящее время живёт в Ростове-на-Дону, воспитывает двух детей.

Вишнёвое варенье

1

– Остановите на семнадцатом километре, – попросила водителя Лилия Петровна.

Маршрутка затормозила, подняв за собой клуб пыли. Женщина расплатилась и вышла на остановку.

«Вот уж баба малахольная, и зачем я это затеяла?» – проговорила негромко, смотря вслед уезжающей машине. Она становилась все меньше, размывалась и, наконец, превратилась в точку. Лилия Петровна оглянулась. Вдали, на возвышенности виднелся дачный поселок.

Молодая женщина несколько раз с усилием сглотнула слюну, сердце колотилось все сильнее, словно она сидит перед преподавателем на первом экзамене по анатомии. На мгновение почудилось, что ей не тридцать шесть лет, а всего пятнадцать. Она вовсе не врач высшей категории, преуспевающий терапевт, метящий на место заведующей отделения городской больницы, а всего лишь юная и влюблённая девочка, которая бежит по мокрой дороге. Рядом с ней бежит Боря. В одной руке у него тяжёлый пакет с продуктами, а второй подхватил подругу под локоть.

– Лилёк, быстрее, ты же промокнешь до нитки. Зачем я только тебя сюда потащил? – кричит он, ускоряясь в беге.

Дождь усиливается, за пару минут превращается в проливной. Вокруг почти ничего не видно. «Стоит стеной» – подумалось девочке. Раскаты грома становятся все оглушительнее, вдали сверкают огненные молнии. Просёлочная дорога, ведущая к садово-дачному товариществу или просто поселку с громким названием «Луч Победы», становится месивом грязи и

глины. Лилины босоножки застревают в липкой жиже, к подошве прилипают большие куски, усложняя бег.

– Боря, я не могу. Я устала, – навзрыд плачет девочка.

– Потерпи, немного осталось. Минут десять… Наша дача первая по улице, – мальчик не поддается, бежит и ускоряет Лилю, таща ее за руку.

– Боря, Борис! – вскрикивает она, – у меня обувь порвалась!

Она останавливается и приподнимает ногу. На левой босоножке оторвалась лямка и безнадежно болтается. Идти в обуви становится невозможно.

– На, обуй мои, – Борис снимает тапки, помогает девочке надеть их, а сам идет босиком.

Мальчик молчит, старается идти ускоренным шагом. Лиля знает, что ему больно. Знает, что он переживает и винит себя в неудавшейся поездке. Только никто не виноват, им не повезло. Прогноз погоды они не догадались послушать, а утром на улице было солнечно. Первые капли упали на землю, когда они прошли одну треть пути, а на середине дороги ливень обрушился со всей силой…

Лилия Петровна и не заметила, как перебежала через трассу и неспешно пошла к дачному посёлку. Спустя двадцать один год погода была благосклонней. Над головой раскрывалось чистое и глубокое небо. На дороге проложили асфальт и начертили разметку. «Теперь ноги в грязи не увязнут, как в далеком нулевом году» – подумалось женщине. Она с трепетом подходила к дачам. Сама не знала, постучит ли в двери знакомого домика или просто пройдет мимо. Да и жива ли та уютная деревянная дача, или её перестроили, превратив в кирпичную махину?

Не знала, как поведет себя, если вдруг по невероятному стечению обстоятельств или необъяснимому чуду увидит там Бориса. Что скажет и стоит ли что-нибудь говорить. Может быть просто оставить в памяти то лето, когда им было по пятнадцать лет, они были по уши влюблены и мечтали о жизни вдвоём.

Лилия Петровна не ожидала, что решится приехать на дачу и пройти дорогой, с которой так много было связано. Все утро она бродила около вокзала и пропустила несколько маршруток, следовавших по нужному направлению. Стояла в придорожном кафе пила чашку чая за чашкой, копалась в телефоне, обзвонила всех подружек и уже думала, что стоит вернуться в гостиницу. Наконец, разозлилась на себя за трусость и поехала.

В этот отпуск она отправилась сама, сын не поддержал, предпочел провести смену в летнем лагере. Честно признаться Лилия Петровна его и не уговаривала. Впервые за двадцать один год она вернулась в город, в котором прожила несколько счастливых детских лет. Женщина не раз прилетала на море, но намеренно никогда не заезжала в Краснодар. Прямиком туда… В Геленджик или Сочи, иногда в Абхазию. Муж, уже год как бывший, муж считал, что не рационально заезжать в Краснодар. Лучше взять билет сразу до курортного города, чтобы не тратить лишнее время на дорогу. Его прагматичный подход по всем вопросам… Когда нужно ложиться спать, в какие часы есть, какие фильмы смотреть, на что потратить годовую премию, настолько надоел, что теперь, после развода Лилия Петровна делала всё наоборот.

2

Промокшие и озябшие ребята подбежали к дачному домику. Легкое жёлтое платье прилипло к телу, еще больше выделяя Лилины худые ключицы, тонкую талию и маленькую грудь. Борис быстро поддел внутреннюю задвижку и открыл калитку.

– Идем, Лилёк! Спасены! – сказал он.

Дёрнул за ручку двери, но дача оказалась закрытой. Бабушка всю войну отработала в тылу, рыла окопы, помогала партизанам, видела много ужасов, но панически боялась воров, всегда замыкалась, оставшись одна.

– Бабуля, открывай! – с силой затарабанил в двери Борька, – открывай скорее!

К двери никто не подходил, несмотря на громкие стуки. Мальчик бил со всей силы, потом начал стучать в окна. Через пару минут вышла заспанная Ольга Сергеевна. Несколько мгновений она удивлённо смотрела на детей, кажется не понимая, в чем дело.

– Мы тебе продукты принесли… Но они промокли немного – пошутил Борис, протягивая мокрый и набитый пакет.

– Ребятки, как же вас так угораздило? Зачем же вы по дождю ко мне приехали? – всплеснула руками, – живо идите греться!

Лилия Петровна хорошо помнила, как девочкой-подростком сидела в маленькой и уютной спальне. Её укутали в старый махровый халат. Помнила, что он был необыкновенно мягким и пах луговыми цветами. Больше такого аромата она нигде не слышала, сколько не искала. Ольга Сергеевна принесла таз с горячей водой. Лиля опустила ноги, тайком пряча под халатом острые коленки, и, наконец начала согреваться. Рядом с ней сидел Борька, в дедовых спортивных штанах, тёплом свитере, его рыжие и курчавые локоны немного просохли и топорщились во все стороны.

– Сейчас я и тебе таз с водой принесу, – сказала бабуля, – посмотрим, что с ногами.

Лиля скользнула взглядом и заметила, что Борькины ступни в крови. А по деревянному полу размыты багряные следы.

– Ерунда, заживёт как на собаке, – вскрикивал мальчик, когда бабушка обрабатывала раны на ногах, – это так, камешками поцарапался.

– Борь, не надо было мне тапки отдавать. Дошла бы как-нибудь в порванных, – виновато сказала Лиля.

– Надо было, – коротко ответил Борис.

– Это ещё что, под дождем промокли! – заговорила бабушка, перевязав бинтами ступни внука, – вот я в войну с подружкой Тоськой шла из Курлаков, хутор был такой, в Бунаки. Нас как раз немцы оккупировали. Расстояние десять километров, вокруг страшно, а идти надо… Зима, мороз давит, у меня на ресницах и бровях иней застыл. Только и думаю, быстрее бы дойти и согреться. А тут на пригорке сидит несколько волков, метрах в трехстах и смотрят на нас. У меня сердце в пятки ушло, у Тоськи тоже. Думаю, не немцы убьют, так волки съедят. Убегать некуда, кругом одни поля и лесополосы. Взялись с ней за руки и пошли тихо-тихо, будто не боимся. Чудо спасло, волки просто нам вслед смотрели. Мы отошли подальше, как только их не видно стало, кинулись со всех ног и побежали в Бунаки. Пять километров бежали, я свою варежку обронила, так и не вернулась за ней. Ноги в снегу тонут, дороги же никто не чистил… А вы-то… Вы просто намокли!

– Бабуль, ты никогда эту историю не рассказывала, – удивленно сказал Борька.

– И не расскажу больше. Нечего всякие ужасы вспоминать. Давно это было… – посмотрела на часы, – сейчас вам принесу чай с мёдом… А то у меня сериал через десять минут начнётся.

Дождь закончился и на улице снова стало солнечно и тепло, небо очистилось, будто погода не сыграла неудачную шутку над ребятами. Яркий свет беззастенчиво озарял всю комнату. Они сидели вдвоем в маленькой спальне. Лиля согрелась, тёплый чай с бубликами разморил. Хотелось провалиться в сон и проспать до утра. Борька сидел за столом и уверенно двигал карандашом с линейкой. Он всегда что-нибудь чертил, когда нервничал.

– Лиль, минут через двадцать нужно собираться и ехать домой. Если не успеем, то придётся тут ночевать, – сказал мальчик.

– Конечно, сейчас переоденусь. Мама меня убьёт, если я домой не вернусь, – девочка быстро начала собираться. Бабушка одолжила ей свои тапочки.

– Я готова, Борь, можем идти! – Лиля вошла из соседней комнаты.

– Попробуй нашу вишню. Нарвал для тебя, – Боря протянул ей полный стакан, – говорят, что во всей округе не найти вишни вкуснее!

– Спасибо, и правда, очень вкусная! – сказала Лиля, поедая ягоды, – ты зря мне их принёс. Я сейчас съем все до одной!

Борис не отводил глаз, стоял и смотрел, как она ест вишню. Подошел вплотную и впервые поцеловал в губы. Неопытно, быстро, неловко. Поцелуй получился смазанным. Девочка опешила, а мальчик ничего не сказал, взял Лилю за руку и вывел из комнаты. Они попрощались с бабушкой и пошли на остановку.

Всю дорогу он молчал и был непохож на себя. Крепко сжимал в ладони ладонь Лили. И девочка заметила, как вспотела его рука.

– Лиль, я бы хотел, чтобы лет через двадцать мы вместе с тобой шли на дачу. И чтобы у нас были дети, а потом внуки… И мы всегда были бы вместе, – наконец, сказал он, и покраснел.

Борис, всегда казавшийся уверенным и смелым, любящий поговорить и посмеяться, любящий пошутить в компании друзей. Её Борис покраснел и отвернулся.

– А знаешь, Борь, это хорошая идея, – ответила Лиля. Остановилась и сама поцеловала его.

3

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Жить долго и счастливо не удалось. Шел конец жаркого августа, впереди маячила школа, ребята переходили в десятый класс, Боря даже хотел перевестись в Лилину школу. В тот день мама вернулась с работы раньше обычного, она была возбуждена, принялась рьяно чистить посуду, и блестящие кастрюли засияли еще сильнее. Лиле казалось, что в их дно можно смотреться как в зеркало.

– Мама, что случилось? – с опаской спросила девочка.

Когда у матери начинался приступ тревоги, она принималась скрести посуду и с силой вычищать сантехнику. В последний раз после такой уборки оказалось, что маму отправили на три месяца в отпуск без содержания.

– Ничего, не мешай мне, – ответила мать, продолжая скрести сковородку.

Только вечером она вошла к Лиле в комнату.

– Нам нужно поговорить.

– Что случилось, мам?

– Отца переводят в Сибирь, мы переедем в закрытый военный город. Это недалеко от Томска.

– Как? Нет, я не поеду! – вскрикнула Лиля.

– Ему нельзя отказываться.

– Пусть уволится из своей дурацкой армии. Я никуда отсюда не уеду – уже плакала Лиля, – тут Борька, как я буду без него?!

– Никуда твой Борис не денется. Будете переписываться. А если он тебя так любит, то пусть закончит школу и переезжает в Томск, поступит там куда-нибудь.

– Ты сама веришь во что говоришь? Я никуда не уеду.

– У тебя никто и спрашивать не будет, – нервно ответила мама.

– Я вас с папой ненавижу! Уходи отсюда! – сквозь слезы прокричала Лиля, подбежала к двери и заперла дверь в комнату.

Уже три года отец служил в Краснодаре, Лиле, да и маме казалось, что жизнь немного успокоилась. И тут… Девочка не представляла, как она проживет без Бориса, что она ему скажет… И снова новая школа, новые друзья-приятели, новая съёмная квартира. Лиля понимала, что никуда не денешься и придётся слушаться родителей. Понимала, что в Краснодаре ей не с кем остаться, никаких родственников здесь нет. Да и вряд ли какая-нибудь мамина подружка согласится, чтобы Лиля прожила у нее целых два года.

Борис пришел на вокзал за пять минут до отправления поезда. Он смахивал на побитого и испуганного котенка. Быстро шел по перрону, вглядываясь в лица уезжающих. Около нужного вагона увидел Лилю с матерью. Отец уехал на две недели раньше.

– Извини, Лиль, я опоздал, – соврал, он отведя её в сторону. Боря подошел к вокзалу на час раньше, бродил вокруг, не знал, как пережить прощание, и решил прийти перед отправлением поезда.

– Я думала, ты не придёшь, – заплакала Лиля.

– Возьми, бабушка тебе носки связала, говорит в Сибири холодно. Будешь носить. И вот еще баночка вишнёвого варенья. Ты ведь любишь вишню – передал ей сверток с подарками.

– Спасибо.

Угловатость Бориса стала еще заметнее, только сейчас Лиля заметила, какие у него крупные и непропорциональные руки, как сильно он сутулится, как взъерошены его рыжие волосы. Увидела, что у него лопнули капилляры в обоих глазах, наверное, плакал, подумала девочка. Она хотела кинуться к нему в объятия, потрепать по голове, как делала это каждый вечер. Но не могла двинуться, стояла, словно солдат по команде смирно и сглатывала подступающие к горлу комки.

– Лиля, пора в вагон! – крикнула мама.

– Я пошла, – сказала она.

– Я закончу школу и приеду к тебе, мы так и будем вместе, пусть и далеко. Всего два года переждать, – наконец, сказал Борис и крепко обнял Лилю.

Он не смотрел на уходящий поезд. Только прогудел гудок Борис быстрым шагом вышел из вокзала, сел на соседнюю лавочку и разрыдался.

Поначалу они переписывались, послания от Борьки приходили пару раз в месяц, но потом начались задержки. Лиля плакала, слала горячие письма каждую неделю. Весной ее одноклассница написала, что Борис встречается с Катей, той самой девочкой, которая их познакомила. Летом написал и сам Боря, письмо оказалось коротким. Он писал, что полюбил по-настоящему, что останется в Краснодаре и будет поступать на мехмат университета. Писал, что собирается жениться на Кате и просил Лилю простить его и больше не тревожить.

4

Лилия Петровна подошла к поселку. Неподалеку по-прежнему красовалась берёзовая роща. Женщине вспомнилось, сколько часов здесь провели. Ребята ездили на дачу два-три раза в неделю. Утренний автобус выезжал из Краснодара в шесть сорок, а последний проезжал мимо семнадцатого километра в пять вечера. Обычно Борька придумывал поводы, но чаще всего нужно было отвезти бабушке хлеб и молоко. В летние месяцы дачный поселок оживал, был похож на большой дом, в котором все друг друга знают. Кто-то приезжал на всё лето, а кто-то выбирался по выходным. В тёплый сезон работал продуктовый ларек, но Борис все равно привозил бабушке свежий хлеб из города.

Роща оказалась заросшей, тропинки забил репейник, а на единственной лавочке кто-то сломал деревянные перекладины. «Видимо, романтиков осталось мало!» – подумала Лилия Петровна. Женщина всматривалась в стволы деревьев, наконец, нашла, что искала. Берёза оказалась целой. На ней так и остался след, где они выцарапали свои имена и обвели их в сердечко.

– Борька, как-то нехорошо, мы же дерево испортили! – сказала Лиля.

– Нехорошо, – согласился он, – дерево нас простит… Зато наша любовь будет жить, пока живет берёза.

– А помнишь, как мы познакомились? – неожиданно спросила девочка.

– Конечно! Максим меня силой вытянул на этот фильм. Ничего скучнее я в жизни не смотрел!

– А меня Катька попросила сходить за компанию. Ты мне очень странным показался.

– Это еще почему?

– Ходил после кино и постоянно возмущался, то режиссер плохой, то актёры – не те… Отказался есть мороженое, потому что официантка тебе не сказала его точный состав. А ты,

мол, не ешь американское ГМО, боишься, что тебя отравят… А потом вообще замолчал, и слова из тебя нельзя было вытянуть.

– Я разнервничался… Ты мне сразу понравилась. Пытался на тебя впечатление произвести. Потом понял, что ерунду говорю и замолчал.

– Но это не помешало тебе пригласить меня снова на свидание, – засмеялась Лиля.

– Я сразу понял, что без тебя не протяну даже дня.

После расставания Лиля долго переживала, потом поступила в медицинский университет и понемногу начала оттаивать. Часто влюблялась, встречалась с парнями, но все многочисленные ухажёры оказывались не теми. И Лиля без сожаления расставалась. В двадцать пять неожиданно для себя снова влюбилась и вышла замуж за Павла. Правда, чувства сломались о его трудный, временами занудный, а временами деспотичный характер. К тому же он ревновал её не только к коллегам и пациентам, а даже к сыну.

– Я не могу с ним жить, иначе мне придётся найти себе психиатра и пройти лечение. А город потеряет ещё одного терапевта! – сказала Лилия Петровна на суде. Павел не хотел разводиться, пришлось проводить процедуру развода через суд.

Жизнью Бориса она не интересовалась, ни с кем из краснодарских одноклассников и знакомых не поддерживала отношений. Знала лишь то, что сразу после школы он женился на Кате, и у них родился ребёнок. У него были странички в социальных сетях, но они оказались закрытыми, а проситься в друзья ей не позволяла гордость. Она же, напротив, открыла все профили и регулярно выкладывала счастливые фотографии с мужем и сыном. И чем сильнее был очередной скандал, тем более яркие и жизнеутверждающие снимки появлялись на страничке.

Лилия Петровна подошла к знакомому месту и остановилась. Домик почти не изменился. Забор, правда, переделали, в глубине двора так же видны деревья. Груша, яблоня, и вишня с огромным стволом, к которому она любила прижиматься… Борька всегда приносил ей спелую, почти черную вишню, необыкновенно сладкую и сочную.

– Женщина, вы кого-то ищете? – послышался голос. Только теперь Лилия Петровна заметила девушку лет семнадцати, половшую грядки.

– Ой… Даже не знаю… Скажите, хозяин этой дачи Борис Гладков?

– Да, это мой папа. А вы кто?

– Школьная подруга. Я далеко живу, в Сибири. Впервые попала в ваши края и решила зайти на удачу…

– Папа пошел к соседу в гости. Вы проходите во двор, подождите его.

Лилия Петровна прошла по знакомой дорожке и села на лавочку под вишней.

– А Катя тоже у соседа? – спросила.

– Что ей тут делать… они же с папой развелись, когда мне только три года исполнилось…

– А как у Бориса дела вообще? Я честно ничего про него не знаю… Мы с ним очень дружили, но потом потерялись, – Лилия Петровна начала волноваться, она так теребила лямку сумки, что не заметила, как оторвала её.

– У папы все хорошо. По выходным выбираемся с ним на дачу. Работает старшим смены на заводе. Он после мамы еще два раза женился, но неудачно. Как-то не везёт ему. Недавно прабабушку забрал к себе.

– Ольга Сергеевна еще жива? – удивилась Лилия Петровна.

– Да! Девяносто шесть лет весной исполнилось представляете? До сих пор сама по магазинам ходит! Не хотела со своей квартиры съезжать, но уже возраст, понимаете…

Дверь калитки заскрипела, и во двор вошел Борис. Такой же высокий, немного угловатый, чуть сутулый. Такие же рыжие и непослушные волосы крутились во все стороны. Увидев его, дочь тактично зашла в дом.

– Лиля, ты? – покраснел Борис, как в тот день, когда сказал, что хочет с ней жить всю жизнь.

– Привет, Боря! – она подошла, но встала на месте, словно парализованная, как тогда, при прощании на вокзале.

– Ты прости меня… Я влюбился, когда ты уехала, и женился на Катьке, потом на Соне, потом на Лиде… Но тебя забыть не могу до сих пор. Захожу временами к тебе на страничку, вижу, что ты замужем, вроде счастлива… не стал тревожить, – Борис нервно теребил пальцы рук.

– Мы с ним разошлись, Борь, уже год назад. Не такая уж я счастливая, как кажусь.

– Пойдем в дом, я угощу тебя чаем с вишней. Помнишь, как ты её любила? Я всегда рвал для тебя самые спелые ягоды… Бабушка потом ругалась, что на варенье ничего не остается.

На кухне мирно тикали часы. Повзрослевшие мальчик и девочка сидели напротив друг друга. Лилия Петровна ела сочную вишню, уже радостно предчувствуя, что следующим да, наверное, и последующим летом они с Борисом будут варить из неё варенье вместе.

Наталия Ячеистова

Наталия Ячеистова – москвичка. Окончила МГИМО. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Голландские изразцы \ Nederlandse Tegels» (изд-во Het Spinhuis, Amsterdam) и «Пути земные и небесные» (изд-во «У Никитских ворот»), ряда книг прозы: «Туманган», «В закоулках души», «Остров Белых», «Рассказы за чашкой чая», «Когда-то на Шаболовке…» и др. Публикации в литературных журналах. Лауреат международных литературных конкурсов.

Портрет

– Я хотел бы написать твой портрет, если не возражаешь.

Мирослав вопросительно взглянул на Таю и неспешно отпил кофе из маленькой керамической чашки. – Скажи, когда у тебя будет время.

Они сидели в небольшом кафе на Кайзерграхт, неподалеку от его галереи. За окнами, как это водится в Амстердаме, шел дождь, и небо было затянуто плотными тучами – от этого в кафе казалось по-домашнему уютно, и свет, исходивший от низко свисающих ламп в цветных абажурах, придавал всей обстановке мягкость и теплоту.

Тая была польщена: она считала Мирослава талантливым художником, и то, что он предложил написать ее портрет, было для нее и неожиданно, и приятно.

– Чудесная мысль! – отозвалась она. – Можем начать через пару недель, когда я вернусь из Гронингена, если, конечно, опять куда-нибудь не укачу.

Тая придвинула свою чашку и глубоко вдохнула терпкий аромат чудесного кофе, которым издревле славится Амстердам. По всему телу плавно растеклось тепло, и ей захотелось свернуться калачиком в кресле и замурлыкать, подобно пушистой кошке.

– Хорошо здесь, правда? – улыбнулся Мирослав, угадав ее настроение.

Они познакомились полгода назад, когда Тая случайно оказалась в его галерее, спасаясь от внезапно начавшегося дождя. Галерея эта была совсем маленькой – всего пара крошечных залов, но то, что она увидела там, едва переступив порог и стряхнув с себя брызги дождя, глубоко тронуло ее. Картины, плотными рядами висевшие на стенах, были разных жанров – портреты, городские пейзажи, натюрморты, но все они, безусловно, принадлежали кисти одного художника, и было в них что-то совершенно особенное – пронзительное, светлое, берущее за душу.

Они разговорились, и с первых же минут почувствовали себя давними, хорошими знакомыми, которых связывает много общего. И хотя их последующие встречи, проходившие

обычно в кафе или его галерее, были в силу разных причин не слишком частыми, они всегда приносили им неподдельную радость. Для Таи, чья жизнь была до краев заполнена деловыми встречами, контрактами и переговорами, Мирослав с его друзьями-художниками был настоящим спасательным кругом, не дающим ей окончательно сгинуть в холодной пучине бизнеса. Конечно, его образ жизни был совершенно иным, чем у нее, но богемность, неизбежно присущая всем художникам в той или иной мере, не казалась у Мирослава вычурно-нарочитой, но как-то очень мягко и естественно пронизывала всю его сущность, связанную глубокими, давними корнями с его родной аристократично-неспешной, туманно-чувственной Богемией. Тая была в восторге от его работ, необыкновенно живо и тонко передающих многоплановые настроения окружающего мира. Со временем она определила для себя эту особенность его стиля как «предельную искренность». Казалось, этот молодой белобрысый чех никогда не фальшивил – ни в живописи, ни в жизни.

«Написать портрет…» – вспомнила Тая вечером, работая дома за компьютером. Как возникает такое желание? Наверное, он находит ее интересной. Тая улыбнулась. Потрет в его исполнении должен получиться чудесным! А что дальше? Оставит ли он его себе или отдаст ей? Ей хотелось бы одновременно, чтобы он был и у нее дома, и в его галерее – среди других картин, которыми каждый день любуется столько людей! Она постаралась представить себе, как будет выглядеть на портрете, и сразу множество образов возникло в ее воображении: светская дама; спортивного вида путешественница; жительница Петербурга, влюбленная в свой город; европейская бизнес-леди – все это была она. Какой же она хотела видеть себя на портрете? И в каком ракурсе лучше позировать – анфас или вполоборота? Пожалуй, вполоборота будет лучше. Тая достала свой фотоальбом и стала листать его, останавливаясь на наиболее удачных снимках. Прошлые события, города, люди проносились перед ней, как ускоренная кинопленка – все было вроде бы недавно, но вот уже кануло в Лету, ушло навсегда.

Листая страницы альбома, Тая через некоторое время неожиданно поймала себя на том, что испытывает какое-то смутное недовольство, глядя на свои изображения. Она постаралась понять причину. Фотографии были хорошие, получалась она, как правило, удачно – так что же? Она остановилась, полистала альбом назад, внимательно всматриваясь в снимки – и тут вдруг ей стало ясно, почему они не нравятся ей: повсюду, на всех фотографиях, у нее было совершенно одинаковое выражение лица – вернее сказать, *отсутствие всякого выражения*. Легкая улыбка, эффектная поза – она вдруг напомнила себе растиражированный образ с какого-нибудь рекламного плаката. Рядом с ней на фотографиях находились разные люди – молодые и старые, веселые и хмурые, умные и не очень – но у всех у них были живые лица, выражавшие настроения и чувства. И только она оставалась везде одинаково-статичной, ее темные глаза казались кукольно-безжизненными. «Как две пуговицы», – в ужасе подумала Тая.

От этого открытия ей стало не по себе. Она быстро встала и подошла к зеркалу. Ну нет, на манекен она не похожа: большие глаза смотрели на нее из зеркала вполне живо – с тревогой и волнением. Тогда в чем же дело? Может, она просто получается так на снимках? У Таи возникло чувство, будто она пытается ухватить за кончик хвоста юркую рыбку – что-то важное крутилось в ее сознании, было совсем рядом, но могло выскользнуть, исчезнуть в любой момент.

Её дом вдруг стал тесным для нее. Тая накинула плащ и вышла на улицу. Моросящий дождь размывал в вечернем сумраке силуэты тесно прижатых друг к другу средневековых домов, отчего резные фронтоны крыш казались на фоне серого неба грядой причудливо изрезанных холмов. В темной воде каналов яркими звездами покачивались огни фонарей.

«Наверное, внутри у меня пустота, – подумала Тая, – в этом все дело. Что я представляю собой? Если снять с себя, как одежду, работу, должность, повседневные дела, что тогда останется? Что? Пустой сосуд, потухший светильник… Мирослав поймет это, как только начнет писать мой портрет – от него ничего не утаишь. Одно дело – беседовать за чашкой кофе о

том о сем, а другое – заглянуть в душу». Тае представилось, как он, рисуя ее портрет, вдруг остановится на минуту в задумчивости, пристально взглянет на нее, и легкая тень пробежит по его лицу…

Она шла вдоль канала в сгущающейся темноте, и в какой-то миг ей показалось, что она у себя дома, в Петербурге, идет по набережной Мойки. Ей вспомнился Русский музей, куда они, бывало, часто захаживали с мамой. От некоторых портретов там невозможно было оторваться – настолько интересными были изображенные на них люди – с яркими характерами, выразительными глазами, благородными лицами. Таких Тая не встречала в современной жизни – ни в Петербурге, ни в Европе. Там были личности, эти – обычные люди. Личности… А что это вообще такое – «личность»? Ей вспомнился университетский курс психологии, что-то насчет самосознания, индивидуальных черт характера и привычек. Ну, допустим, с характером и привычками все понятно, а самосознание – что это? Система убеждений, с которой ты накрепко спаян? Четкий вектор жизни? Тая растерялась: не то что о системе – вообще о своих убеждениях она особо не задумывалась. И это в ее-то возрасте, в тридцать с лишним лет! Тае стало от этой мысли неуютно. Она даже поежилась от внутреннего озноба. Захотелось нырнуть в теплое детство, укрыться от ответственности, начать все сначала.

«Но если я раньше об этом не думала, это не значит, что у меня вообще нет никаких убеждений, – успокоила она себя. – Ведь убеждена же я, к примеру, что нельзя делать другим зла, обманывать, унижать… Что люди должны жить достойно – при демократии, а не при диктатуре, быть свободными, иметь разумных правителей… Что нужно… Да, но ведь убеждения – это не просто мысли, а спроецированный ими образ жизни, ценности, которые человек должен защищать – при необходимости даже ценой собственной жизни. Готова ли я к этому?» Она не находила ответа. Ее жизнь в Голландии была устроенной и благополучной, и за все восемь лет, проведенных здесь, ей ни разу не представился случай испытать себя, заглянуть в свои глубины. Каждый день она ходила на работу, добросовестно продвигая вверенные ей проекты; в выходные, если не было командировок, садилась в машину и ехала осматривать очередной голландский или бельгийский город из серии игрушечных поселений; порой встречалась с приятелями в каком-нибудь очередном брюн-кафе, потемневшем со временем от табачного дыма и людских пересудов; иногда выезжала на море… Ровный, спокойный образ жизни. Она была вполне самодостаточна и не тяготилась своим одиночеством, скорее наоборот – дорожила им. И всегда думала, что у нее всё в порядке. А тут вдруг оказалось, что чего-то очень важного не хватает в ее жизни, организованной и рассчитанной по часам и минутам.

Тая задумалась: а что она, собственно, знает об окружающих ее людях? О Мирославе, с которым вот уже полгода пьет кофе и ведет светские беседы? Да толком ничего. Талантливый художник, родители которого в свое время выехали из Праги, спасаясь от тоталитарного режима. Вот у них-то точно были твердые убеждения… Мирослав. Приятный парень… Почему у нее никогда не хватало времени внимательно выслушать его, узнать, чем он живет, спросить, не нужна ли ему ее помощь?

Тая остановилась на небольшом каменном мосту, перекинутом через канал. Тихая ночь окутала угомонившийся город, и только дождь шуршал, не переставая, усердно полируя блестящие темные булыжники бугристых мостовых. Она стояла в задумчивости, засунув руки в карманы плаща, глядя на мрачные силуэты онемевших зданий, вплотную подступающих к воде. Сколько людей прошло за минувшие столетия по этому мосту, мимо этих домов, неся в себе свои радости, горести, заботы! Вот и ее мысли отпечаются на этих камнях, и когда-нибудь, через много лет, она вернется сюда и прочитает их снова… Ей захотелось увидеть какого-нибудь прохожего, окликнуть его, перекинуться хоть парой слов – но вокруг не было ни души, лишь лодки покачивались внизу в темноте, глухо ударяясь бортами. И вот, стоя на этом мосту и слушая неразборчивое бормотание дождя, она впервые за долгие годы почувствовала вдруг

свою бесприютность в этой ухоженной, энергичной, удобной для жизни стране – холодной, чужой стране. Возможно, то же испытывают и ее друзья?

«Вернусь из Гронингена – созову гостей, – решила она. – Накрою стол на террасе, расставлю цветы. Будем сидеть, разговаривать, слушать музыку, смеяться и немного грустить… И наша беседа, подобно золотому пчелиному рою, будет медленно подниматься ввысь, прорывая облака, давая ход солнечному свету, который прольется на террасу, заполнив все пространство, бросив на пол узорчатые коврики, играя бликами на вазах и чашках, отбеливая и без того белые салфетки и стулья… И будет всем так радостно и хорошо, что не захочется расставаться».

Небесная обитель

Михална слыла в своем поселке женщиной серьезной и работящей. И впрямь: хозяйство свое она содержала в образцовом порядке, для чего поднималась каждый день с петухами, работала и в огороде, и дома, не покладая рук. Да еще держала козу и кур – хлопотное это дело. Но от трудов своих Михална не уставала: такая жизнь была ей привычна, с ранней молодости помогала она во всём матери, почти до самой смерти своей пробатрачившей в колхозе. И теперь, вот уже многие годы, делала всё сама, словно продолжая двигаться без излишних усилий по накатанной колее. Соседки относились к Михалне почтительно, но с оговорками: не нравилось им, что та малообщительна, в гости не ходит, новостями не делится. Получалось, что гордая она, эта Михална.

Дом, в котором жила Наталья Михайловна со своим мужем Алексеем Петровичем, остался им от мужних родителей – дед его в свое время своими руками строил. Добротный был дом, бревенчатый, стволы шли на него – не обхватишь. Алексей тоже руки имел золотые, но прока от того Михалне было мало. Как так получалось? Ведь когда выходила за него по молодости, представлялся он мужиком мастеровитым, с которым будешь жить, как за каменной стеной. Но со временем проступили некоторые особенности характера мужа – был тот неспешен в своих занятиях и, хотя делал всё, как и его дед, на славу, ждать необходимого приходилось долго. Да еще соседи вовсю пользовались безотказностью Алексея – то один придет за помощью, то другой, а тот всем помогает. Михална уж пилила его, пилила, наставляя на путь истинный – всё без толку. Терраса, выстроенная мужем по её просьбе на солнечной стороне, чтобы было, где на старости лет по вечерам чай пить, так и стояла пятый год, заваленная строительным хламом, досками и инструментом. Не пройти-не проехать. А тут еще соседка эта, Глашка, даром, что кривая, повадилась к Алексею заглядывать. То одно принесет в починку, то другое. Чайник у нее, видишь ли сломался, а то – приемник не работает. А глазами так и зыркает на Алексея, голосок такой елейный делает. Михална ей говорит:

– Глафира, у тебя что, своего мужика нет, что ты все к нам шастаешь?

А та ей в ответ:

– Ой, что толку от моего Васьки – руки, как крюки. Только бутылку и умеет держать. Не то, что Алексей Петрович – мастер первоклассный!

А Алексей в усы улыбается – приятно ему, от жены-то забыл, когда доброе слово слышал. Он на неё не серчал, понимал, что жене помощь нужна, однако и свою работу не откладывал. В свое время трудился он на ближней лесопилке – хорошая была работа, заказы так и сыпались. Не начнись в стране перемены, он бы до сих пор, глядишь, там работал. А так лесопилку уже десять лет, как закрыли, и теперь там китайцы теплиц понастроили. Однако Алексей приобретенных навыков со временем не растерял, а опыта прибавилось, и не только в столярном, но и в инженерном деле. Да и не пил он, как многие, так что по праву считался на селе лучшим мастером. И как другим не помочь? Прибыток от его работ выходил небольшой, ну а много ли им со старухой надо? Бог миловал: покуда живы-здоровы, ни в чем не нуждаются.

Однажды, когда Глашка опять заявилась, на сей раз со сломанным утюгом, Михална не выдержала и выскочила на неё с кочергой:

– А ну пошла отсюдова! Повадилась ходить! Пошла, кому говорят, и чтоб ноги твоей тут больше не было!

Алексей хотел было вступиться за отпрянувшую Глафиру, но Михална была непреклонна и вытолкала соседушку взашей.

– Ох, не права ты, – вздохнул Алексей, качая головой. – Что на человека набросилась? Злая ты стала, как земляная оса. – И направился на террасу к своему станку.

Михална сначала хотела прокричать ему в ответ что-то дерзкое – уж очень задела её эта «земляная оса» – мол, забыл ты, старый, где твой дом и чей ты муж. Но потом остыла, и стало ей стыдно. «И чего это я действительно на неё набросилась? – подумала она. – Куда ей в самом деле со своими поломками идти?». Но извиняться перед Глафирой она, конечно, не собиралась. Решила, что лучше съездит в церковь или монастырь какой, покается.

Михална шла по широкой, накатанной дороге, которая в ранний час была совершенно безлюдна. Утро выдалось свежее, чистое, идти было легко – будто не шла она, а летела. Вдали вырисовывались синие купола монастыря, высокая колокольня, неприступные белые стены. Легкая дымка скрывала нижнюю часть стен – казалось, будто монастырь парит над землей. «Красотота-то какая! – дивилась Михална, глядя на открывающуюся картину. – И что же это я раньше никогда сюда не ездила?»

При входе, у распахнутых кованых ворот стоял крепкий седобородый старик, внимательно оглядывающий проходящих. Когда Михална поравнялась с ним, он вдруг преградил ей дорогу:

– Вам туда нельзя.

– Это почему? – удивилась Михална. Она была сражена и испугана. Монастырь, должно быть, мужской, ну и что? Разве нельзя женщинам в мужские монастыри заходить? Может, правила какие новые ввели? Это ж надо, такой путь проделала – и что ж, напрасно?

Она стояла в растерянности, не зная, что предпринять. Вглядывалась в находящихся на территории монастыря людей. Нет, там были не только мужчины! Вон и женщины в платках прошли. Почему же ей нельзя? И вдруг она увидела среди находившихся за воротами своего Алексея! Как он мог там оказаться? Ведь она не говорила ему, куда именно собирается, сказала только, что в церковь. Невероятно! Она присмотрелась получше: точно он! Его высокая, худая, немного сгорбленная фигура.

– Алексей! – позвала она, что есть мочи. – Алексей!

Алексей повернулся, увидел ее и обрадованно замахал рукой. Быстрым шагом он приблизился к воротам и сказал старику:

– Пропусти её Пётр, это моя жена, Наталья.

«Ишь ты, уже со всеми перезнакомиться успел!» – удивилась Михална.

– Та самая злая Наталья, у которой все люди канальи? – спросил старик, строго глядя на женщину.

У Натальи упало сердце. «Неужто люди про меня так говорят?» – пронеслось в голове. Она опустила глаза, стараясь скрыть волнение.

– Пропусти, она хороший человек! – снова попросил Алексей. – Если и сердится когда, то потом жалеет.

Старик отодвинулся в сторону, освобождая для Натальи проход. Подойдя к Алексею, Михална схватила его за рукав:

– А ты как сюда попал? Почему он не хотел пускать меня?

Алексей взял её под локоть и повел по тропинке. Вокруг было так благолепно, что Михална не переставала охать от восторга, оглядываясь по сторонам. Цветы – яркие, невиданных оттенков, крупные и мелкие, покрывали собой пологие склоны. Солнце грело как-то осо-

бенно приветливо, над деревьями порхали, чирикая птицы. Блаженство растекалось по всему телу Михалны, словно густое топленое молоко.

– Господи, благодать-то какая! – повторяла Михална. – Прямо-таки небесная обитель!

– Ты что там всё бормочешь?

Михална открыла глаза и увидела склонившегося над ней мужа.

– Здорова ли ты? Уж десятый час, а ты всё спишь и бормочешь во сне.

Михална присела на кровати, оторопело глядя на мужа.

– Мы чё, уже вернулись? – спросила она, тяжело дыша.

– Точно не в себе! – испугался Алексей. – Может, тебе врача вызвать? Откуда мы вернулись? Не ездили никуда.

– А-а, – протянула Михална, опустившись на подушки и постепенно приходя в себя. – Приснилось, значит.

Встав с кровати, она тщательно оделась, причесалась и отправилась на кухню. Через некоторое время она появилась в мастерской мужа с миской в руках, в которой лежали горкой горячие оладьи. Михална поставила миску перед мужем:

– Алешенька, передохни, дружок. Устал, наверное. Перекуси вот оладушками.

Алексей, опустив доску, онемело смотрел на жену – румяную, похорошевшую. А она, присев рядом на табурет, как ни в чем ни бывало, продолжала:

– Сейчас за яичками схожу, на обед твой любимый мясной рулет сделаю.

И потом, смутившись, добавила, глядя в пол:

– Леш, ты уж там… это… не оставляй меня, ладно?

Алексей, подумав секунду, расхохотался:

– Так ты что, может к Глафире меня приревновала? Решила, что уйду? Ах ты, глупая моя женщина! – Он снова засмеялся, стряхивая стружку с колен.

– Да нет, я не то… – оправдывалась, краснея, Наталья. – Но, что было «то», объяснить не решалась.

Ольга Борисова

Ольга Борисова – писатель, поэт, переводчик, член Союза писателей России. Автор 11 книг поэзии, прозы и публицистики. Переводит с семи европейских языков. Победитель и призёр различных международных фестивалей и конкурсов в Чехии, Болгарии, Германии, Франции, Беларуси, Украине и России. Лауреат нескольких международных премий. Стипендиат Министерства культуры РФ. Её стихи переведены на иностранные языки (французский, болгарский, македонский и сербский). О. Борисова – член Европейского конгресса литераторов (Чехия), руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели», член редакционного совета журнала «Белая скала». Награждена медалью им. Е. Замятина «За успехи на литературной и культурной ниве».

Паралич

Алексей Тетерятников, грузный мужчина в выцветшем на солнце бледно-сером рабочем комбинезоне, торопился домой. Вечерело. «Катюха, наверно, ещё на работе», – подумал, открывая калитку. Встречая хозяина, нетерпеливо и радостно повизгивал Дружок.

– Привет, старина! – потрепал собаку за холку. – Ждёшь, дружище! Сейчас поесть принесу, голодный, поди.

Услышав слово «поесть», пёс завилял хвостом.

На веранде, под козырьком навеса добротного дома в три окна, он отыскал ключ и открыл входную дверь. Дом встретил его запахами свежесваренных щей, томленой картошки с мясом и еле уловимым ароматом любимых духов жены. Алексей растянул рот в довольной улыбке и с наслаждением втянул в себя исходящие из кухни ароматы. Заурчало в животе, и он, осторожно ступая, сделал вперёд несколько шагов. Чёткие рельефные следы на чисто вымытом полу, заставили его вернуться обратно: «Опять Катюшка заругает, что наследил». Он попытался скинуть ботинки, цепляясь задниками за порожек, но их крепко держали на ногах туго завязанные шнурки. Алексей неуклюже наклонился, но внезапная острая боль в пояснице пронзила всё тело. Он упал, подперев спиной тяжёлую деревянную дверь. Боль не отступала, а наоборот усиливалась при любой попытке подняться. «Парализовало! – пронеслось в голове. От этой мысли холодный пот выступил на лбу. – Ещё и пожить-то не успел, всего сорок лет, а уже конец пришёл, – ему стало жаль себя, и он горестно вздохнул. – А кто же дочь учить

будет? Жёнушке не вытянуть. Ирке придётся институт бросить, – нахлынули слёзы. – Катя себе другого найдёт. Она красивая и фигурка что надо!..»

– Нет! Не сдаемся! – стиснув зубы, произнёс он, пытаясь снова подняться, но резкая боль заставила снова растянуться на полу. – Беда-то какая, надорвался! Будь она неладна эта работа! Каждый день до глубокой ночи пахали, чтобы успеть вовремя зерно в землицу бросить. Не поберёгся, а помирать, как не хочется… Господи, – взмолился он, подняв глаза к небу, голубеющему за окном, – помоги! Никак нельзя мне помирать, ещё дела на Земле не закончил! Ты, уж оставь меня здесь!..

В это время хлопнула калитка, и раздался радостный лай собаки.

– Катя пришла. Слава Богу, что живым застала! – обрадовался Алексей. – Попрощаться хоть успею.

***

«Алёшка уже дома», – подумала Катя, увидев следы ботинок на крыльце. – Опять наследил. Сколько раз ему говорила, чтобы разувался на ступеньках!

Катя торкнула дверь, но та не открылась. Нажала посильнее и услышала слабый голос мужа:

– Катюха, это я тут лежу.

– Ты чего разлёгся? – удивилась она. – Никак напился?! Вставай немедленно! – и со злостью снова толкнула дверь.

– Катя, жена моя! Не толкай больше. Помираю я! Паралич меня разбил.

– Какой паралич?! Ты что болтаешь! Пить меньше надо! Отползи от двери!

– Так я же и говорю, что пошевелиться не могу, руки и ноги отнялись. Зови скорее доктора!

Врач пришла быстро. Вдвоём с Катей они с трудом приоткрыли дверь и влезли в образовавшуюся щель. Александра Михайловна сразу поняла всё. Кое-как дотянулась до чемоданчика, оставленного на крыльце, достала шприцы, ампулы… Ловким движением сделала несколько уколов.

– Сейчас полегчает, – и, посмотрев на плачущую Катю, спрятав улыбку в уголках губ, добавила, – жить будет. Остеохондроз, нерв защемился, от него не умирают. На пару-тройку дней заберу его в амбулаторию. Пусть полежит, полечу, – она призадумалась. – На носилки мы его не сможем положить… Готовьте одеяло да зовите соседей, покрепче которые. Под сто килограмм муженёк, наверное, будет.

Вскоре пришли соседские мужики. Переложили Алексея на одеяло и осторожно понесли его на край села.

Стемнело. В хатах зажглись первые огоньки. Село готовилось ко сну. Во дворах слышались вздохи животных, грубые окрики хозяев, гремели задвижки различных запоров. Улица опустела. Только у одной хаты беседовали припоздившиеся соседки.

– Глянь, Петровна! Лёньку Тетерятника на одеяле понесли, – зашептала одна, внимательно вглядываясь вслед идущей процессии.

– Не может быть! Он же молодой, – удивилась другая.

– И молодые нонче помирают. Жизнь кака сейчас!

– Ой-ё-ёй! Жалко-то как! Помер значить…

А наутро всё село уже знало, что Алексей Тетерятников умер. Управившись с делами сельчане, как подобает в таких случаях, собрались на площадке у магазина. Стоящие кучкой женщины, сплетничали. Чуть поодаль курили мужчины, искоса поглядывая на жён, обсуждали нынешнюю жизнь.

– Вот, живёшь, суетишься, а потом – бац и нет тебя! – вздохнул Федька Косой.

– Не говори, Федька, – вступил в разговор Семён Решетников, мужчина серьёзный и немногословный. – Всё чего-то нам мало, не хватает, жилы рвём. А кому наше добро нужно?!

Дети в город уехали, у них там другая жизнь. Приезжают редко, да и внуков почти не видим, – он сокрушённо покачал головой. – Вот и Алексей, видно, тоже надорвался. Трудолюбивый мужик был. Для семьи жил, всё в дом тащил. Что они теперь, горемычные, без него делать-то будут…

– Всё хапаем, – добавил кто-то из толпы. – А нам-то и надо два метра земли.

– Бога забыли! Законы его попрали, жить малым разучились, – тут уже присоединилась к разговору Татьяна, Федькина жена, женщина богомольная и тихая. – А раньше люди добрее были, миром жили и друг другу во всем помогали. Последним куском делились.

– И то правда. А нам сейчас машины подавай, да чтоб круче, чем у соседа! А дом – двухэтажный, да под красной крышей и чтоб кричал всем видом о богатстве хозяина. Бахвальство одно! Обмельчал народ. Ох, обмельчал! – покачала головой Серафима Петровна, учительница начальных классов. – Доброты да человечности в нас мало осталось. Все за богатством погнались да за вольготной жизнью…

– Смотрите, Катька идёт! – толкнула Петровну Танька Пегова. – Видно, в город собралась, гроб заказывать.

– Вот беда, так беда! – вздохнула Петровна. Как жить-то теперь будет?! Ведь он у неё добытчик был, непьющий и зарабатывал много.

– Как сыр в масле каталась, – добавила Ришетничиха. – Теперь лямку потянет!

– Да она смазливая, замуж быстро выскочит, – съехидничала Ганька.

В это время Алексей Тетерятников уговаривал доктора:

– Александра Михайловна, отпусти домой. Мне полегчало, а уколы жена сделает. Она умеет. Что мне здесь лежать?! Дома-то лучше. Как говорится и родные стены помогают.

– Может, ещё денёк побудешь? Электрофорез сделаем. Понаблюдаю, а то повернешься неуклюже, и опять придётся мужикам тебя на одеяле нести.

– Нет, я домой! Жена перепуганная, наверное, переживает, плачет. Вы на листочке напишите, какие лекарства нужны. Обещаю, что лежать буду, – и добавил:

– Уж Катюха за этим проследит. Спуску не даст!

– А дойдешь? Сейчас сторожа позову, чтоб проводил.

– Не надо, я сам как-нибудь доберусь.

Опираясь на палку, подаренную докторшей, прихрамывая, он отправился домой.

Алексей шёл по улице, радуясь тёплому майскому утру, яркой первой зелени, цветущим одуванчикам и жизни, которую так любил. Поравнявшись с магазином, увидел сельчан: «Видимо ждут, когда хлеб привезу», – решил он.

– Доброе утро, поселяне! – радостно поздоровался Алексей.

На лицах многих появились и тут же застыли гримасы страха и удивления.

– Свят, свят, свят! – прошептала Петровна, спрятавшись за спину соседки.

– Гляди, живой! – воскликнул Федька Косой.

– Живой, конечно! И помирать не собираюсь, – улыбнулся Алексей.

– Тьфу, бабы, языки ваши поганые! Пообрубать бы их! – в сердцах выругался Решетник.

– Лёшка, живой! А мы тут тебя чуть не похоронили! – не растерялась Ганька. – Говорят, на одеяле тебя несли, вот собрались и судачим.

– Рано хороните, бабоньки! Живучий я! – и, посмотрев на голубеющее небо, снова широко улыбнулся.

Толпа стала медленно расходиться по домам. У каждого появились неотложные дела. Одному нужно накосить травы для коровы, у другого поломалась машина, а третий собрался в город продать сальцо. И только Федькина жена стояла и смотрела вдаль, на виднеющуюся на холме церковку, построенную ещё её дедом. Она что-то прошептала, а затем, перекрестившись, поспешила за мужем.

Жизнь продолжалась.

Славик

1.

Вячеславу Владимировичу не спалось. Он ворочался с боку на бок, поглядывая на окно, в надежде увидеть рассвет, но он всё не занимался.

– Тебе что не спится? – проронила Полина Андреевна, приподнимая голову от подушки.

По-стариковски кряхтя, он встал с постели, натянул на ноги старые тапочки и отправился на кухню.

– Что и водички попить нельзя?! Спи уже! – шумно захлопнув дверью, вышел из спальни.

Поставив чайник на газовую плиту, сел у окна и, всматриваясь в ночь, задумался. Вот уже шестьдесят лет исполнилось, вроде и не жил ещё, а уже дедом кличут. Как жизнь быстро пролетела, не заметил даже, когда состариться успел. Всё куда-то бежал, деньги зарабатывал, всё торопился быт наладить, чтобы жить в сытости и на старость не жаловаться. А вот она и старость подступила, а чего хорошего в ней? И дом добротный отстроили, и деньжата водятся, пусть небольшие, но им с Полиной хватает, а покоя-то в душе нет. Дети в городе живут, важные стали. А внуки и глаз не кажут. Что им тут делать?! Им теперь телефоны и компьютеры важнее деда с бабкой. А если приедут, то от айфонов оторваться не могут, впялятся в них глазами и слова доброго не дождешься. Чужими стали. Разве раньше так жили?! Раньше малому радоваться умели, в гости друг к дружке ходили. А вечерами по-соседски на скамейках собирались. Рядом детишки в разные игры играли, и мы им иногда подсобляли…

Закипел чайник. Дед налил крупой кипяток в любимый бокал с подсолнухом на круглом боку. Из шкафа достал чайный пакетик и конфеты. Закрыв поплотнее дверь, включил на тихий звук телевизор: «Всё веселее будет». Шла передача о животных. Прихлебывая чай и, ещё находясь во власти нерадостных мыслей, Вячеслав Владимирович отрешенно смотрел на экран. Быстро мелькали кадры. Сначала показывали кошек, что-то о них говорили, потом появились смешные обезьяны, прыгающие по веткам где-то в Индонезии. А затем показали красавцев попугаев. Один из них жил с учёными и считал себя хозяином на станции. Он доставлял всем немало хлопот, но его баловали и любили. Но, самое главное, попугай умел говорить.

«Птичку что ли купить? – пришла внезапная мысль. – Хоть поговорить будет с кем, а то от жены слова не добьёшься. Молчаливая с молодости, да и я надоел ей хуже горькой редьки за сорок лет совместной жизни. Характерец у меня ещё тот». После выпитого горячего чая внезапно сморил сон, и он заторопился в постель.

– В общем, так, Полина! – проснувшись, не требующим возвращения голосом, начал разговор супруг. – Завтра едем в город на птичий рынок.

– На кой тебе птичий рынок понадобился?

– Птичку какую купим, – схитрил он. – Пусть поёт, веселее в доме будет. А то живём, как в гробу глухом. От тишины уже уши вянут.

– Придумал ещё! У тебя же телевизор в каждой комнате. С утра до вечера включен, хоть из дома беги. Птиц на улице полно, иди да слушай! Чего их сюда тянуть?!

– Живой души хочется, Полинушка, – он крепко прижал её к груди. – Я сам буду за ней ухаживать.

На следующий день, выкатив из гаража старенькую БМВ, они спозаранку отправились в город.

Шумный, в осеннем золотисто-багряном убранстве город, встретил их скрипом тормозов, сигналами клаксонов множественных машин и утренней сутолокой спешащих на работу людей.

– Боже мой! Суматоха-то какая. Как же тут люди живут? – то ли удивлялась, то ли возмущалась Полина. – У меня уже голова кругом идёт.

– Привыкли. Им такая жизнь нравится.

– Как она может им нравится? Спокойствия совсем нет, – она вздохнула. – Вот бегут, чуть ли не под машины лезут, словно роботы какие, и даже не задумываются, куда и зачем. Потом придёт понимание да поздно будет. Человеку созерцание нужно и общение с небом, чтобы душой живыми быть.

Оставив на стоянке машину, в поисках нужной птицы, они пошли по рядам. Выставленные на продажу, пичуги безразлично наблюдали за прохожими, но Вячеслава Владимировича не интересовали простые птички, ему нужен только говорящий попугай. У одного продавца они нашли маленьких ярких попугайчиков. Они прыгали по клетке, суетились, громко кричали.

– Красивый у вас товар! – присматриваясь к птичкам, начал он издалека.

– Берите! Волнистые попугайчики.

– А они говорящие? – и, получив отрицательный ответ, направился дальше.

– Ты что, говорящего попугая купить решил?! – еле поспевая за мужем, с негодованием в голосе спросила Полина.

– Да!

– Совсем рехнулся под старость. Мало нам телевизоров, теперь ещё попугай орущий в доме появится.

Но он не слушал жену, а старательно искал желаемое. Обойдя всех торговцев птиц, и, не найдя себе пернатого друга, направился в продовольственные ряды. За ним покорно шла супруга, в душе обзывая муженька всякими нелестными словами. Вдруг Вячеслав Владимирович остановился, заметив у ограды рынка худенького, небольшого росточка парня, державшего в руке клетку с жёлто-синим попугаем. Он торопливо подошёл и ещё не успел спросить, как услышал протяжное:

– Здра-вству-йте! Славик.

– Откуда он знает моё имя? – удивлённо и в то же время обрадованно, спросил Вячеслав Владимирович.

– Это его зовут Славиком. Он у меня культурный, представился.

А попугай, обрадованный, что у него появился собеседник, встрепенулся и снова выдал:

– Чё уставился? Сижу битый час взаперти. Летать хочу.

Вячеслав оторопел. Вот она, его мечта!

– А что он ещё говорить умеет?

– Да многое. Славик у меня толковый. Быстро учится. Возьмите, пожалуйста! – парень умоляюще посмотрел на покупателей. – Я при храме служу и живу рядом. Его крохотного кто-то во двор подбросил. Жалко стало бедолагу, домой принёс, вырастил. Везде попугайчика с собой брал. Да вот недавно Славик службу в церкви чуть не сорвал. Настоятель сильно разгневался, – он тяжело вздохнул. – Я его бесплатно вам отдам, главное, не обижайте. Он хороший.

– М-да… Жалко, наверно, расставаться с другом?

– Я в семинарию только что поступил. Мне его некуда деть.

– Ну что, тёзка, пойдёшь к нам жить? – весело спросил птицу Вячеслав Владимирович.

– Жить… жить. Лучше бы покормили бедолагу, – недовольно пробурчал попугай.

Поблагодарил парня, всунув ему в руку свёрнутые купюры, Вячеслав Владимирович взял клетку и, довольный покупкой, отправился обратно на стоянку. Вслед ему шла удивлённая Полина. Она ещё никогда не видела говорящих птиц.

2.

Славику отвели место на кухне. Клетку торжественно водрузили на тумбу возле окна. Открыв дверцу, позволили вылететь. Попугай, покружив, последовал в горницу знакомиться с новым местом жительства. Присев на спинку велюрового кресла, хрипло произнёс: «Здравствуйте! Славик». Оглядев комнату зоркими глазками-пуговками, слетал в спальню, в госте-

вую и вернулся на кухню. Он облюбовал себе место на спинке старого дивана, стоящего у стены за печкой, где после обеда любил вздремнуть хозяин дома. После сытного ужина, утомлённый городом и дорогой, дед Слава прилёг на диванчик. Славик, нахохлившись, уселся рядом. Вскоре оба уснули.

Смеркалось. Вдруг кто-то громко, нараспев пробасил: «Господи, упокой душу усопшего раба твоего!» Вячеслав Владимирович вздрогнул, бешено заколотилось сердце. «Неужто, помер?!» – пронеслась в голове тревожная мысль. Он приоткрыл глаза, не понимая в темноте, где он: «В гроб положили, отпевают! А я ведь живой!» Он со всей мощи голоса заорал: «Я живой! Живой!» На кухню влетела Полина. Управившись с хозяйством, она только что зашла в дом.

– Слава, что случилось?! Что с тобой? Тебе плохо?

Супруга включила свет. Вячеслав встал с постели, оглянулся по сторонам:

– Надо ж, приснится такое! Аж сердце зашлось. Вроде, как помер и в гробу лежу.

– Спал в неудобной позе, вот и приснилось. А попугай-то где?

Из-за спинки дивана появилась голова и два глаза виновато посмотрели на хозяина. «Здрасьте!» – прохрипел попугай и баском:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

– Вот кто меня хоронить вздумал! – Вячеслав Владимирович погрозил Славику пальцем. – Ах ты, птица божья, до смерти напугал! Ну, надо же, как умеет. Что он нам ещё выдаст?!

А Славик выдал рано утром, когда все ещё крепко спали. Закрытый в клетке, он завопил: «На молитовку! На молитовку!» И возмущённый, что никто не реагирует на его призыв, снова запел басом: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа».

– Вот, старый, хотел весёлости, получай, – сонно проронила Полина. – Вставай, корми домочадца.

Ближе к обеду, вроде как по делу, в дом заглянул Федька Косой. Увидев гостя, Славик спрятался за клетку.

– Это что за чудо у вас? – удивился Федька, стоя на пороге кухни.

– Ты чего, дружище, спрятался, – Вячеслав Владимирович погладил питомца по голове, – иди, знакомься.

Попугай нехотя взлетел. Покружив возле незнакомца, сел ему на плечо. Заглядывая в лицо, вдруг спросил:

– Чай пить будешь?

Федька оторопел. Показывая пальцем на попугая, заикаясь, спросил:

– Он что, го-го-ворить у-умеет?! – собрался с мыслями. – Я таких, только по телевизору видел.

– Он ещё не то умеет, – многозначаще ответил хозяин дома.

На следующий день все в селе уже знали, что Савицкие завели говорящего попугая.

– На кой им этот попугай? – удивлялись одни.

– Богати, с жиру бесятся. Всё хотять, как городские жить, – ехидничали другие.

– А, может, Федька приврал? Что с него станет. Надо Силантиху порасспросить. Та всё знает, – говорили третьи.

Силантиха появилась через день. Она уверено зашла в дом:

– Полина, с магазина иду. Там колбасу привезли, копчёности разные. Сходила бы, разбирают быстро.

– Ты же, Валентина, не за этим пришла.

– Да, конечно. Я по делу заглянула, – ответила она, оглядывая прихожую. – Шкаф красивый у вас! Современный. В городе купили? Пройти хоть можно?

– Ну, проходи! – Полина улыбнулась, зная, причину прихода первой сплетницы на селе.

– Мы тут решили кабанчика в выходные забить, да маленько мясцо распродать по соседям, – затеяла разговор, зыркая глазами по всем углам. – Может, вы тоже захотите купить? Мы не дорого продаём.

Полина решила поддержать игру:

– А почему же не купить? Купим килограмма три.

– В магазине сегодня слышала, вроде вы птичку говорящую приобрели. Врут, наверно, наши бабы. Им соврать, что мёду испить.

– Нет, не врут.

– Да неужто разговаривает как мы?

– Ещё как разговаривает!

– А где же он? Показала бы, посмотреть хочется.

– У телевизора сидит, песни слушает. Он у нас меломан, оказывается.

Полине хотелось, чтобы Славик заговорил, сразив тем самым Силантиху, иначе её кумушки во главе с самой Валентиной, промоют им все кости.

Славик стоял на полу в горнице и внимательно смотрел на экран, где шла передача «Звёзды девяностых». Ансамбль «Божья коровка» исполнял песню «Гранитный камушек». Полина выключила телевизор, чем вызвала недовольство попугая. Он, переминаясь с ноги на ногу, начал громко кричать, а потом, подражая солисту, запел:

Не ходи к нему на встречу, не ходи,

У него гранитный камушек в груди…

От удивления Силантиха присела на диван.

– Боже мой, он ещё и поёт. Не наврал Федька!

«Забавный какой, – подумала Полина. – И правда, с ним веселее».

Утром Валентина Силантьева еле дождалась, когда откроется магазин. Ей не терпелось скорее поведать селянам о невиданном чуде, свидетелем которого стала она сама.

– Он песни девяностых любит, знает их наизусть. А как поёт! Даже лучше, чем певцы.

– Да ну тебя, Валька! Придумала же, – произнёс кто-то из женщин, пришедших купить продукты.

– А ещё он молитвы читает, – она торжествующе огляделась. – И не только читает, но креститься умеет!

– Ну, это ты совсем хватила! – возмутилась Решетничиха. – Как птица может креститься?!

– Кто бы сказал, не поверила бы, а тут сама видела, – и, довольная собой, добавила, – а кто не верит, сходите и посмотрите. – Она ухмыльнулась и с гордо поднятой головой удалилась из магазина.

Не стало покоя в доме Савицких. Соседи, находя любой предлог, забегали в гости, чтобы послушать попугая и подивиться его способностям. А Славик с каждым их приходом выдавал что-нибудь новенькое: «Ходят тут, ходят. Дел дома, что ли нет!» А Глашке Петровой, как-то зашедшей на минутку, заявил: «А ты, Глашка, не путайся с чужими мужиками. Иди лучше полы дома помой. Грязь развела». Возмущённая Глашка, ехидно крикнув на прощание: «Попугаев тут развели! Сплетники! А ещё культурными называются!» – громко хлопнула дверью.

– Птица говорящая, ты так нас со всеми соседями перессоришь, – тоже возмутился Вячеслав Владимирович. – При тебе говорить-то ничего нельзя, тут же всё выложишь.

– Зато теперь не скучно. Ты же этого хотел, – проворчала жена. – Нет, Слава! Старость приходит, не для развлечений, а для созерцания. В отпущенное Богом время, нужно многое успеть, дела на Земле доделать, а главное – жизнь свою исправить, чтобы в Вечность с чистым сердцем войти. Птица и то это знает, каждое утро молитвы нам читает, а тебе всё веселья хочется. Горе ты моё…

Полина прислушалась.

– Калитка хлопнула, – она спрятала улыбку в уголках губ, – очередных гостей встречай…

Евгений Кубасов

Евгений Кубасов родился давно, в начале второй половины двадцатого века. Детство прошло на острове Сахалин, куда по распределению после окончания педагогического института, направили работать моих родителей. Вернувшись в Москву, закончил школу, потом служба в Советской Армии. После демобилизации из рядов Вооружённых Сил, заочно учился и закончил ВЗИСИ. Работал на стройках Олимпиады-80 и других значимых объектах столицы. В начале перестройки уехал на Север. Трудился в дорожно-строительном кооперативе «Северный» под руководством легендарного золотоискателя В. И. Туманова. Вернулся в «лихие» 90-е. Выживал, как и все, в те времена. В 1994 г. поступил в Литературный Институт им. А. М. Горького на семинар прозы М. П. Лобанова. Закончив институт в 1999 г, продолжает работать по основной специальности. О писательстве, как об источнике дохода – даже не думает. Женат, детей двое, внуков трое, пока…

Шабашники

Прошло не меньше четверти часа с момента, как Славка – человек полного расцвета жизненных сил, с лицом греческого бога и мускулистым, бронзовым от загара торсом, схожим с телосложением известного актера Сильвестра Сталлоне, взглянув на часы, отер рукавицей свой мастерок и, бросив его в пустое ведро, спустился с лесов. Звук, рожденный ударом мастерка о ведро, и последовавшие за тем действия Славки другими членами бригады не могли быть истолкованы иначе, как наступлением поры «большого перекура».

К слову и, наверное, будет уместно сказать, что перекуры на шабашках, то есть на работе по прямому договору с хозяином, как они приняты на всех стройках нашей необъятной Родины, не допустимы. Тут время – деньги. А потому курят на шабашках без отрыва от производства.

Впрочем, учитывая даже это непреложное правило, при острой необходимости, если бы таковая вдруг возникла, Славка смог бы доступно и главное аргументировано доказать любому и каждому, нужность этого перерыва в работе. Причем сделал бы с изяществом бескомпромиссного полемиста. Для начала Славка обратился бы к народной мудрости и выдал что-то вроде того, что всех денег не заработаешь, как нельзя объять необъятное. Затем, в продолжение, многозначительно похлопав себя по спине, не преминул бы вспомнить добрым словом

свою матушку, родившую его без стальной арматуры в позвоночнике, а потому он, Славка, не намерен ломаться из-за какого-то там… Далее бы последовала длинная и прочувствованная тирада из сильных и даже пронзительных, но не печатных слов и выражений, затрагивающих непосредственно личность хозяина, а также, отчасти, его близких родственников. Финалу же его пламенной речи, наверняка позавидовали бы ораторы всех времен и народов. До Славки в ораторском искусстве, равно как в искусстве убеждения, существовали два распространенных приема заканчивать публичные выступления: умеренный и радикальный. «С нами Бог!» – говорят умеренные, сходя с трибуны, полагаясь на Всевышнего в своей борьбе с оппонентами. Радикалы же, на протяжении всего выступления последними словами костерят недругов, а в завершающей стадии выступления приводят самые убийственные для них доводы. Славке удалось почти невозможное! Он гармонично объединил два этих классических приема в один. И сделал это с присущими ему изяществом и лаконизмом. Более чем красноречивая комбинация из согнутых в локтях рук, и одномоментно наложенных одна на другую, вполне претендовала на сакральность, а произнесенная при этом телодвижении искрометная фраза: «Вот тебе!» – мгновенно повергала его воображаемого визави в немощь. А потому как в данный момент нужда в обосновании большого перекура отсутствовала, и к тому было слишком жарко, Славка покинул свое рабочее место молча.

Подсобник Славки – пожилой юноша с нездоровым румянцем на лице и неистребимым огнем в глазах, лишь из-за уважения к его сединам, величаемый в бригаде Аркадьичем, в предчувствии «большого перекура», уже с полчаса без энтузиазма ковырял подзахрясший на солнце раствор. Дождавшись заветной минуты, с готовностью отбросил свое орудие труда и поторопился за каменщиком в хозяйский сарай, служивший строителям бытовкой.

Тем временем, и плюс еще пятнадцать минут, другая пара, каменщик Василий, из «покуда завязавших» и его молодой подручный, студент Витька, продолжали трудиться «в поте лица». Вернее будет сказать – лоснилась спина от выступившей влаги у Витьки, едва успевавшему подбрасывать каменщику кирпич и подносить ведра с раствором. Василий, как могло показаться со стороны, работал без видимого напряжения: не спеша, стелил раствор, шлепал на него кирпич за кирпичом, подстукивал, подравнивал, и казалось, не думал прерывать свою ритмичную работу. Витька, зауважавший Василия за проявленные в последнее время, говоря словами самого каменщика, «силу, волю, характер», уже пожалел, что тот бросил пить и не пошел вместе со Славкой и Аркадьичем в сарай. Однако напомнить каменщику о перекуре постеснялся и в очередной раз схватился за дужки ведер.

– Погодь, – отложил мастерок Василий. – Давай, тоже покурим.

Облегченно вздохнув, Витька опустился на стопку кирпича там, где стоял.

Василий выбросил пустую пачку «Беломора» и вытащил новую, но распечатать ее не успел, замер в изумлении. По шоссе рядом, разрезая воздух и шурша по асфальту шинами, на огромной скорости промчался сверкающий черным лаком «Мерседес».

– Живут же люди!.. – не сразу проговорил Василий, проводив машину, пока та не скрылась за поворотом. Вот это аппарат. А стоит такая, наверное…

– Несколько десятков тысяч долларов! – со знанием дела, подсказал Витька, вытягивая ноги. – На адвокатские дачи покатил, там их элитный поселок. Адвокаты везде хорошо живут…

С минуту Василий курил молча, но по лицу было видно, что Витькины слова не стали для него пустым звуком.

– Тысяч долларов… – повторил он тихо, уставившись на столбик пепла папиросы, и продолжил: – Сына моего младшего – Валерку судить будут… Уже и день суда назначили. Думали, как-то обойдется. И следователь говорил: «На первый раз могут простить». И адвокат тоже… А вчера повестка! Дурачье, конечно. Молодые! Восемнадцать только зимой будет. С дружком в клуб залезли. И взяли-то чего?.. Задрипанный усилитель и динамики. Он гитарой с детства

занимался. Джаз-банду организовали. Вот и доигрались!.. И, главное, вернули что взяли. Сразу вернули. А все одно – суд…

– Его государство будет судить. За нарушение закона… – пояснил Витька, расслабленно прикрыв глаза. – Теперь дело суда. Могут условно дать или с отсрочкой приговора. Учтут, что молодые, что первый раз. И что вернули все…

– Знал бы, Витек, сколько денег уже ушло – уйма, – вдруг оживился Василий. – Одному дали, чтобы статью полегче подобрали. Завклубу, чтобы тот не писал лишнего. И этому тоже, – кивнул он на дорогу. – Адвокату… А сколько по мелочи… Налоги, сборы… Мы и не считали. Говоришь, государство его судить будет. Много ли государству из того перепадет…

– Что поделаешь, раз дело такое… – произнес Витька. У него сейчас не оставалось сил даже просто посочувствовать Василию, и услышанная история, не тронула его. Он открыл глаза. Взгляд уперся в ряды кирпича, уложенного в стену, где еще темнел раствор. Прикинув на глазок ширину стены, а по рядам свежеуложенного кирпича высоту кладки, он по привычке стал считать.

Когда Витьке предложили поработать на каникулах с шабашниками, наслышанный об их фантастических заработках он ни минуты не сомневался. Стройотряды остались в далеком прошлом, в городе студентам платили копейки, а подзаработать хотелось. Его не остановили заклинания о тяжелом хлебе шабашников, об их неустроенности на отдаленных дачных участках, где приходилось работать от зари до зари, и порой даже негде нормально умыться, слишком велико было желание иметь в кармане свободные деньги. Тем более заработки и вправду впечатляли. Расчет был прост: каждый уложенный кубометр кладки умножался на оговоренную с хозяином цену. Полученный результат этих несложных арифметических действий чистоганом шел строителям. Так уже на второй день, как подсчитал Витька, они заработали на каждого по полторы его институтской стипендии. Дальше – больше… Когда поднимали первый этаж, время от времени, обеспечив каменщиков всем необходимым, он выкраивал несколько минут, чтобы перевести дух, а заодно подсчитать выработку и перевести ее на деньги. От полученных результатов начинала кружиться голова. Тяжелее стало работать, когда взобрались на второй этаж. По степени трудности для себя, Витька разделил рабочий день на три части. Легко и даже весело работалось с утра и до обеда; с обеда до «большого перекура» ведра тяжелели с каждым подъемом, начинали болеть спина и ноги, и солнце своим обжигающим теплом отнимало свою долю сил; в третьей части дня уже нестерпимо ныли и руки, и ноги, с трудом разгибалась спина, а глазах полыхал фиолетовый огонь.

Отойдя от своих тяжелых дум и растоптав сапогом папиросу, Василий долго смотрит в небо потом на Витьку.

– Жарко! – наконец говорит он и обращается к напарнику: – Тебе, Витек, сколько еще учиться?

– Три года.

– Значит, десятилетка плюс… Сколько вас в институте учат?

– Пять лет.

– Школа – десять, институт – пять. Итого – пятнадцать! А двенадцать, стало быть, ты уже отучился?

– Угу…

По такому туманному вступлению, Витька понял, что ему сейчас придется отвечать на какой-нибудь вопрос каменщика из области естествознания. Приходилось только удивляться, как человеку, перешагнувшему пятидесятилетний рубеж своей жизни, осталось неведомым то, что известно любому шестикласснику. Два или три дня назад, его живо интересовала природа ветра, и Витьке пришлось долго втолковывать ему про атмосферное давление и всё связанное с тем.

– Значит, двенадцать… – уточняет для себя Василий. – Ученье свет, а неученье – замыкание на подстанции, – выводит он и доходит до своего вопроса: – А вот скажи мне, пожалуйста, почему так получается?.. – он снова смотрит на небо. – Объясни мне несведущему… Такое… Только без своих заумных слов, как в прошлый раз. А то у меня от тех слов изжога делается. Просто объясни, если конечно сможешь… Вот солнце сейчас нам светит. И тепло нам от него и даже жарко. Так?

– Ну, так.

– И где-нибудь, скажем в Африке, тоже светит…

– Светит и греет! Дальше-то, что?

– А как же так получается: у них, в Африке, круглый год – лето. Голыми Новый год встречать можно. А у нас… Осень с дождями, грязью, зима со снегом и морозами. Как это выходит?

– В Африке тоже и дожди, и грязи своей хватает…

– Стоп! – поднял указательный палец Василий. – Как наши депутаты меж собой матюгаются: «Не передергивайте! Говорите по существу». Так вот, не передергивай. Говори по существу заданного вопроса. Объясни…

Полурасплавленный на жаре Витькин мозг не сразу воспринимает новую потугу каменщика к познанию окружающего мира. И пока он размышляет, как объяснить загадочное для него явление, тот понимает затянувшуюся паузу по-своему:

– Ага! – торжествует Василий. – Век учись – дураком помрешь! Вот у меня образование – три класса и туалет, где мы букварь искурили, мне простительно, что я не знаю. А ты верхнее образование получаешь, а на заданный конкретно вопрос ответить не можешь. Ну, скажи – не можешь?

Витька вдруг с ужасом осознает, что действительно не может в двух словах и на пальцах показать, как движется планета Земля относительно Солнца. Он трясет головой, пытаясь вспомнить школьный опыт с лампой и глобусом на штативе.

– Тут приборы нужны, чтобы наглядно…

– Наглядно, – снисходительно смеется Василий. – Ладно. С тобой все ясно. Эта проблема тебе не по зубам… Возьмем что-нибудь попроще, – он снова смотрит на небо. – Вот докажи мне, Витя дорогой. Такое… Вот все говорят, что Земля вокруг Солнца болтается. Есть такое распространенное мнение! А я вот не верю! Может быть, наоборот данное светило вокруг нас – вокруг Земли – вращается. А?.. Вразуми бестолкового!

– Это давно учеными доказано…

– Учеными… – хмыкнул Василий

– Ну хорошо, – поднялся со своего места Витька и оглядел пол вокруг.

– Я про ученых… – продолжил каменщик. – Работали мы как-то в одном институте научном. Что-то там не то по электрике, не то по электронике. Так вот, спиртяги там – залейся. Молочными бидонами по этажам таскают. Ну и ученые эти… Тоже не святые! Прикладываются. Зарплата у них, сам знаешь какая. Выпить – море, а на закусить – не хватает. И что придумали, черти: рюмочку пропустят и в карман за батарейкой. Контакты к языку – кисленько – как вроде закусил…

– Вы про солнце слушать будете? – нетерпеливо спросил Витька, прижимая к груди осколки кирпича.

– Валяй, валяй, – кивнул Василий. – Про ученых, это я так… Вспомнилось просто.

Расчистив на полу площадку, Витька ногой выдвинул на середину целый кирпич, а вокруг стал раскладывать половинки, четвертинки, осьмушки.

– Допустим, это солнце – самая большая планета, – указал он на полный кирпич. – А это планеты. Вот Сатурн, вот Марс, Юпитер, Венера … В целом это называется – солнечная система. А вот наша Земля…

– Всего-то чекушка! – неподдельно удивился Василий. – Этот… Как его?.. Сатурн который, и то половинка.

– Потому что Сатурн и на самом деле больше Земли, – сдержанно пояснил Витька. – А вот Луна, – ткнул он пальцем на совсем маленький осколок.

– Такого не может быть! – сдерживая улыбку, запротестовал каменщик. – Это, что же выходит?.. Солнце – целяк. А луна… Ты что-то, Витек, путаешь. Не может такого быть! Вон посмотри, какое солнце, а вечером на Луну глянь, – притворно недоумевал он.

– Но это так кажется… Просто солнце значительно дальше находится от Земли. Тот же Сатурн кажется маленькой звёздочкой, но мы же знаем, какой он…

По лицу Василия блуждала улыбка.

– Ладно, хорошо, – поднялся с корточек Витька. – Вот посмотрите: из сарая выходит Аркадьич, Славка дверь закрывает. Аркадьич ближе к нам и кажется выше ростом, чем Славка, а на самом деле?

– А на самом деле Славка всегда такой! – хохотнул Василий.

– Какой? – не понял Витька.

– Последний! Всегда из бытовки последним выходит. Все уже работают, а он не торопится. И пьет тоже последним, – что осталось. А остается всегда больше, чем досталось другим, потому как Славка сам и разливает. Тут еще лучше скумекал: всем разольёт, а сам из горлышка допивает. Говорит, что стареть стал и водкиного запаха не переносит. Но его, жука хитрого знаю, он всегда в бутылке себе больше дозы оставляет. Ведь, не проверишь.

– Да ну вас! – обиделся Витька. – Я вам про одно, а вы…

– Аллах с ним с солнцем этим, – хлопнул подсобника по плечу Василий. – Никуда оно от нас не денется. Что же ты думаешь, я – совсем дурак. Я жизнь прожил. Худо-бедно, прожил. Что наук не осилил в свое время, так, видно, не судьба. А поговорить на всяческие научные темы, вправду люблю. И тебя, вроде, раззадорил – вон, как глаза заблестели, а то смотрю, потух парень совсем. Не обижайся!

– Да я чего… – улыбнулся Витька.

– Ну вот, совсем другое дело. Держи хвост пистолетом, Витек! Получим с хозяина полный расчет, сядем в теньке под березками, закусочку разложим, бутылочку возьмем, да не одну. Тогда и поговорим о всяком таком…

– Вы же не пьете. Завязали ведь. Как же «сила, воля, характер», – с улыбкой напомнил Витька.

– По такому случаю и не грех развязать.

Трап внизу заскрипел, и в проеме перекрытия показалась голова Аркадьича.

– Хорошо пошла? – спросил Василий, когда тот присел напротив и закурил.

– Хорошо, да мало! – дыхнул дымом Аркадьич и отвалился к стене.

Следом поднялся, и Славка и тоже устроился под стеной курить.

– Жлоб! – обозвал он хозяина без подготовки. – Жлобина! На целый день четырем здоровым мужикам – всего ноль семь.

Витьке стало смешно.

– Лучше не доспать, чем не допить! – посочувствовал Василий.

Славка раскурил папиросу и продолжил тему:

– Прошлый год, я еще в СМУ работал. Подъехал к нам на объект мерседес, не мерседес. Не знаю… В общем, не жигули, короче. Иностранная машина. Мы башню тогда строили, сидим наверху, все видим. Из машины мужик вылезает в малиновом пиджаке и лысый. Вернее, лысые у него лоб и маковка, а ниже патлы по плечам. Потом про него узнали. Нам-то песня строить, а им жить помогает. Композитор. Зашел он в прорабскую бытовку. Мы смотрим, делать было нечего, раствор ждали. А головы с аванса болят, мочи нет. И заслали уже. Сидим, гадаем: что вперед будет, раствор подвезут или гонец прилетит. Даже поспорили на это. Тут прораб с этим

лысым выходят, и мне машет. Дескать, спустись… Спускаюсь. Меня лысый под руку берет, по имени отчеству… И про фронтон на своей дачке поет. Дескать, доделать надо. С прорабом – все пучком. Договорился. И ехать прямо сейчас… Мне-то что? Где ни работать… Да думаю, как бы нашего из магазина дождаться, да здоровье поправить. Про инструмент ему начал, про спецовку, – время тяну. А он – композитор этот, понял, наверное. Зовет в машину, а там, в бардачке бутылка пузатая. Литр! Ром, что ли какой… Крепкий. Потом, как стали работать, он нам с напарником каждый день по такой привозил. Жалко фронтон маленький был, за неделю управились.

– Во! Я тоже про песни расскажу… – подхватил Аркадьич. – В Армении мы работали тогда. После землетрясения. Пахали, как слоны. Про то, чтобы выпить, думать забыли. Не до того было. Люди в палатках живут с детьми… А зима – вот-вот. Жалко. До кровати, бывало, еле доползали. Только на Октябрьские выходные и дали. Тогда еще этот праздник в чести был. Мы гоношить, конечно, стали. Туда-сюда… В магазинах – ноль. Борьба с пьянством была. Надоумил кто-то к шоферам обратиться. А они, шофера, все из местных – армяне. Мы – к ним! Так они с нас, спасителей, такую цену запросили, у нас шары на лоб повылезали. Но все-таки взяли немного, праздник ведь. Как водится, собрали всех в столовой. Поздравляли… Наши выступили, потом с их стороны – армянской. А в конце вышел…

– Ну, а песни здесь причем? – усмехнулся Витька.

– Не помню, – честно признался Аркадьич. – Может и пели… Наверняка пели – праздник ведь…

– Да нет, я не про то. Вы озаглавили свой рассказ «Про песни». Ну и…

– А вон ты про что! – вспомнил Аркадьич. – Точно, была там песня. Нам ее всё армяне пели: «Русский Ваня за стакан строит нам Ленинакан…»

Славка и Витька улыбнулись. Расцвело в улыбке и без того румяное лицо Аркадьича. Василий вздохнул, хотел рассказать что-то тоже, но не рассказал, видимо, не нашел в памяти чего-то из песенного репертуара, нахмурился, затушил папиросу и взялся за мастерок. Это послужило сигналом для всех. Славка и Аркадьич принялись перебрасывать к стене кирпич. Витька, глянул на далекое солнце, подхватил ведра и, стуча каблуками по деревянному настилу, пошел вниз за раствором.

Позади было восемь часов работы, до конца дня оставалось еще три.

Ольга Сушкова

Сушкова Ольга Сергеевна родилась в 1990 г. в Московской области. Окончила Московский гуманитарный педагогический институт. Кандидат технических наук. Занимает должность старшего научного сотрудника в Институте радиотехники и электроники имени В. А. Котельникова Российской академии наук. Лауреат премии Правительства Москвы молодым учёным за 2019 г. Автор более девяноста научных статей. Как прозаик работает преимущественно в жанре любовно-приключенческого романа в стиле фэнтези. На текущий момент ею написана фэнтезийная дилогия «Тёмный ангел. Призрак ночи» и «Тёмный ангел. Наследник». Несколько рассказов опубликованы в «Антологии русской прозы 2018». Её произведения были несколько раз номинированы на национальную литературную премию «Писатель года». В 2019 г. награждена Российским союзом писателей Пушкинской медалью. Член литературной лаборатории «Красная строка».

Первые

Буквально в каждом доме внимание людей было приковано к видеопанелям – все ждали грядущего выпуска новостей. Именно сегодня все мировые средства массовой информации обещали передать заявление главы Центра инновационных открытий (ЦИО). Такое случалось крайне редко, ведь большая часть того, к чему стремились учёные, уже была достигнута: лекарства от ранее неизлечимых болезней, скоростные летательные аппараты, гиперлуп , даже транспортные туннели под водой между континентами. Развитый искусственный интеллект стал частью повседневной жизни. Проблем с экологией также больше не существовало. Наступила эра нового прекрасного будущего.

– Сегодня многолюдно, – задумчиво произнёс молодой человек, охватывая взглядом толпу под окнами исследовательского корпуса.

– А ты как думал? – сказала в ответ на его замечание весьма привлекательная девушка в таком же, как у него, многофункциональном белом костюме. – Не каждый же день шеф делает подобные заявления.

– Да там помимо журналистов и обычные люди стоят.

– Сегодня открыты все двери, любой может прийти.

– Хорошо хоть, что не вся Столица. Такого бы ЦИО не выдержал, – недовольно пробурчал молодой человек и вдруг громко крикнул: – Эй! Долго ещё ждать?

– Командир! У нас почти всё готово! Мы трудились столько делсенов ! Вы будете довольны результатом, – ответил ближайший робот и продолжил свой путь в одну из лабораторий корпуса.

– Чего ты переживаешь? Мы справимся, – девушка положила руку молодому человеку на плечо и, не встретив сопротивления, нежно обняла командира.

– Нас могут увидеть, старший лейтенант.

– Мне всё равно. К тому же здесь только роботы. Ты же знаешь, где вся команда.

– Да, и мне хотелось быть именно с ними сейчас, а не торчать тут. Почему с нами так носятся? Это же наша общая разработка!

– Я знаю, – девушка поцеловала молодого человека в щеку, стараясь успокоить. – Но пойми, шеф и все остальные за нас переживают.

– Боятся, что мы погибнем? Чушь! Если готовиться к худшему, то можно потерпеть неудачу!

– Многие считают по-другому.

– Ну ты-то хоть не уподобляйся им, – нахмурившись, упрекнул девушку молодой человек.

– Не буду, – согласилась она.

Она вообще была готова сегодня соглашаться со всем, что он говорил – знала, что и он переживает, просто не показывает виду.

В течение долгого времени они оба являлись руководителями проекта по созданию телепорта. И вот «волшебная» машина наконец была создана. Можно было забыть про скоростные летательные аппараты, автомобили, гиперлупы. Сразу решилось бы множество оставшихся проблем, но всё это не так важно, как доставка космонавтов на центральную орбитальную станцию (ЦОС). Никаких ракет! Никакого загрязнения космического пространства. Только так называемый перенос чистых частиц человеческого тела.

Конечно, чудо-машину испытывали не один раз. Сначала эксперименты проводились с переносом неживых предметов: аппаратуры, роботов. Результаты превзошли все ожидания! Но стоило перейти к стадии переноса объектов растительного мира, таких как овощи и фрукты, машина начала сбоить. Переносились только части предметов. Когда же учёные попробовали телепортировать обыкновенную лабораторную свинью, то результат оказался просто плачевным. В пункт назначения животное «пришло» с передней лапой вместо глаза, голова повёрнута на двести градусов, а хвост и вовсе оказался внутри её тела. Подобные эксперименты проводили также с червями, мышами, шимпанзе и даже дельфинами. Но о телепортации человека не могло быть и речи!

Всё изменилось с его и её приходом: они являлись лучшими учёными в области квантовой физики, которые когда-либо существовали на планете. Принцип телепортации основывался на том, что в другое место переносится не сам материальный объект, а информация о его квантовом состоянии. Это подобно работе обыкновенного ксерокса с той лишь разницей, что при телепортации сам материальный объект должен быть разрушен, а в другом месте должна воссоздаться его точная копия. Наконец эксперименты стали завершаться успехом.

– Может, всё-таки стоило подобрать для этой миссии кого-то другого? – тяжело вздохнув, произнёс молодой человек.

– Что я слышу? – она улыбнулась. – Ты боишься?

– Нет! – резко ответил он, но тут же понизил голос и крепче обнял девушку. – Я боюсь потерять тебя.

– Не надо, – она привстала на цыпочки и нежно поцеловала его в губы, – не бойся.

– О чём мы только думали… Перенести людей! Да на такое огромное расстояние!

– Ну, ЦОС не так уж и далеко, – на её лице сияла улыбка, но он знал, как она боится.

– Да, всего лишь в космосе, – он вернул ей улыбку. – Может, стоило перенести сначала кого-то одного.

– Мы с тобой уже телепортировались с одного континента на другой. Единственное, о чём тогда стоило беспокоиться, что всё проходило в строжайшей секретности. И случись с нами что-то, наши родные и друзья даже не узнали бы об этом. Но всё прошло отлично. Почему сейчас что-то должно пойти не так?! Если бы руководство сомневалось, то оно не делало бы этот эксперимент открытым для прессы, – она потрепала его по вьющимся волосам. – Всё будет хорошо! Ну или в крайнем случае наши с тобой атомы перепутаются настолько, что мы станем одним целым.

– Я предпочитаю становиться с тобой одним целым совсем в другом месте, – ничем не выдал смущения он, хотя она заметила, как молодой человек слегка покраснел.

– Люблю тебя, – она сказала это так искренне, так открыто, её глаза светились от счастья. Молодой человек был по-настоящему рад, что он не один, что она не бросила его, осталась рядом и готова с ним рука об руку наконец шагнуть в неизвестность.

– А я тебя, – тихо ответил он.

– Давай подумаем, что мы сделаем, как только переместимся из ЦИО на ЦОС?

– Мне кажется, что мы будем жутко голодны, – рассмеялся он.

– Но сначала оденемся, да? Всё-таки не каждый день приходится раздеваться перед многомиллиардной толпой, – девушка улыбнулась.

– Поверь, я найду способ, как переместить одновременно и людей, и какие-либо предметы!

– Да ладно тебе, всё в порядке. Всё равно костюмы будут просто проецироваться на нас во время трансляции.

– Мне от этого не легче. Если бы не вся эта затея с телепортом, я никогда не согласился бы, чтобы ты находилась без одежды в присутствии других.

– Только ради науки? – она крепче обняла его за шею.

– Да, и только сегодня.

– Хорошо, будем считать это нашим обещанием, – она вновь поцеловала его.

Как и все учёные, они оба знали, что всё может пройти не так гладко. Они оба могут не вернуться. Да если бы только это! Они могут даже никуда не долететь.

– Мне велено передать, что вас обоих уже ждут! – вдруг отчеканил непонятно откуда появившийся робот.

– Ты как всегда так вовремя, – прошептал молодой человек, не открывая глаз.

– Не понял вас, командир! Пожалуйста, повторите!

– Передай, что мы сейчас будем! Впустите прессу!

– Я понял! – ответил робот и поспешил в комнату запуска телепорта.

– Пойдём? – спросила она, взяв молодого человека за руку.

– Да, пора.

Главный зал ЦИО был огромен, он больше напоминал обыкновенный ангар, если бы, конечно, не парил в воздухе. Добраться до него можно было, только преодолев специальное воздушное пространство, включавшее в себя электрическое поле. Любой приблизившийся на недопустимое расстояние сгорал мгновенно. ЦИО являлся закрытой военной организацией, очень редко – почти никогда – не пускающей на свою территорию посторонних, тем более журналистов. Но сегодня был особенный день.

Попавшие внутрь люди беспрестанно фотографировали, казалось, они даже боялись вдохнуть лишний раз, только бы не упустить что-то важное.

Гомон толпы не утихал до момента, пока на сцене не появился тот самый шеф – генерал, руководитель ЦИО. Он был высоким широкоплечим мужчиной, его бороду уже тронула

седина, но в остальном он выглядел едва ли старше его и её. Что и говорить, процедура омоложения являла себя во всей красе.

– Уважаемые жители Столицы и всего Мира! С разрешения межгалактического центра управления, при поддержке нашего Правительства мы рады представить вам наше новое изобретение! После многочисленных испытаний, занявших у нас не одну сотню или даже тысячу делсенов, мы наконец можем объявить: Центр инновационных открытий представляет телепорт АЕ-350 – машину, способную переносить на дальние расстояния абсолютно любые объекты.

Если с начала речи генерала в зале воцарилась полнейшая тишина, были слышны лишь звуки работающего телепорта, то на последних его словах весь зал взорвался аплодисментами.

– И более того, сегодня мы продемонстрируем вам, как он работает. У нас ведётся прямое включение с ЦОС, где космонавты уже готовы принять у себя наших испытателей через второй телепорт. И это будут не какие-то обычные люди, а сами разработчики телепорта АЕ-350. Попросим их выйти на сцену!

Присутствующие в зале воодушевились вновь, встречая их – самых обыкновенных с виду людей, державшихся за руки. Они оба подробно рассказали о создании машины, о возникших сложностях, в том числе объяснили, почему им придётся раздеться. Сейчас этих молодых людей действительно узнал весь мир, кто-то даже выкрикнул, что является их соседями, а кто-то видел недавно эту пару в одном из магазинов Столицы. За считанные минуты они оба стали знаменитыми. Но что будут говорить журналисты о них уже завтра? Ни он, ни она, конечно, не знали.

До запуска оставалось совсем немного. Чудо-машина источала электрические разряды, внутри же своеобразного портала находилось что-то, напоминающее чёрную дыру.

– Не бойся, – шепнула она.

– Я и не боюсь, это ты дрожишь, – ответил он.

– Это от холода. Всё-таки не каждый день находишься без одежды в открытом зале. Надо будет по возвращении дать распоряжение проверить систему климат-контроля. Хорошая идея? – в шутку спросила девушка.

– Да… По возвращении. Обязательно. Да. Так и сделаем, – ответил он и стиснул зубы, пытаясь скрыть дрожь.

– Итак, вы готовы? – громогласно произнёс генерал.

– Да! – хором ответили они и, закрыв глаза, одновременно сделали шаг вперёд.

Зря они боялись, что что-то может пойти не так. Зря. Телепортация вопреки опасениям удалась блестяще. Космонавты ЦОС встретили молодых людей как старых добрых друзей, и всё это, конечно, попало в прямой эфир. Мир ликовал и уже ждал возвращения своих героев обратно на планету, но…

Они так и не вернулись. В прямом эфире зрители всего мира успели до отключения трансляции увидеть, как тела молодых людей начали исчезать – они буквально рассыпались на части, на молекулы, на атомы, пока не исчезли совсем.

Сколько молодые люди бороздили открытый космос – они не знали… Да и могли ли они что-то понимать, чувствовать, осязать, ощущать, когда их, разделённых на частицы, уносило всё дальше, дальше и дальше. Уже не было видно их родной планеты, она давно скрылась из поля зрения. Они не знали, кто они, где они, что они сейчас. Погибли ли они, или до сих пор живы. Неужели они ошиблись в расчётах? Ведь они в самом деле переместились на ЦОС… Или нет? И всё это было просто иллюзией?

– Где мы? – первой пришла в себя она. – Где ты?

Она попыталась встать – ноги предательски не хотели слушаться, но по крайней мере они, ноги, у неё были. Как и всё тело.

– Где ты?! – её голос стал срываться на крик.

Молодого человека, точнее то, что скоро должно было им стать, она нашла далеко не сразу. Его «тело» лежало под каким-то невиданным растением с красными плодами. Кажется, они оба очутились в лесу. Но где? Когда?

– Ты жива, – вдруг прошептал молодой человек, когда его тело наконец сформировалось. Он притянул её к себе и обнял изо всех сил. – Где мы?

– Я не знаю… Но это не наш мир. Я никогда не видела ничего подобного. Небо голубое! Мы можем дышать без подачи кислорода, он уже есть в воздухе! Температура тоже нормальная.

– Но это невозможно! Мы что, попали на другую планету?

– Кажется, мы всё-таки ошиблись в расчётах, – сказала она дрожащим голосом и вдруг, неожиданно для самой себя, заплакала.

– Эй, тише, тише! Успокойся! Мы всё исправим!

– Как?! Ты видишь здесь телепорт?! Как мы вообще могли сюда попасть без телепорта-приёмника?

– Тихо, тихо, – молодой человек стал гладить девушку по волосам, пытаясь успокоить. – Мы живы, а это очевидный плюс.

– Да, ты у нас оптимист, – девушка улыбнулась сквозь слёзы.

– Вставай, нам надо осмотреться, – произнёс он и помог девушке подняться.

Лес не кончался. Молодые люди шли, шли и шли. И уже в то время, когда светящаяся планета на горизонте почему-то начала угасать, они наконец увидели высокий холм. Не без труда забравшись на него, они не поверили глазам. Их новый мир погружался во мрак! О таком они читали только в старинной литературе. Кажется, они действительно попали на другую планету.

– Адам, мне страшно, – она вцепилась в руку молодого человека. – Здесь ничего нет. Ничего! Только лес!

Молодой человек развернул любимую лицом к себе и посмотрел ей прямо в глаза, пытаясь найти слова, чтобы успокоить трясущуюся от страха обнажённую девушку.

Галина Стеценко

Галина Стеценко родилась в Донецкой области. Живет в Москве. Пишет стихи, прозу, произведения для детей. Лауреат международных литературных конкурсов: «Золотое перо Руси», «Русский Stil», «Славянская лира», «Славянские традиции», «Большой финал», «Созвездие духовности» и других. Член Союза писателей России.Член Творческого объединения детских авторов России.

Оторвался

Самолёт набрал высоту, и Артём отстегнул привязные ремни. Облегчённо вздохнул: «Оторвался…» Стюардесса проводила предполётный инструктаж, а он закрыл глаза и блаженствовал – вырвался из рутины будней, несмотря на множество препятствий.

Самая главная преграда – жена Наташа. Он сто раз пожалел, что рано женился на своей однокурснице, сразу после университета. Вернее, зарегистрировал брак перед рождением двойняшек через пять лет совместного проживания. Говорили друзья, не торопись – локти будешь кусать. Не послушал. Теперь камни готов грызть, коленки в кровь обдирать, карабкаться, чтобы выбраться из семейного ущелья. Наталья хороша: не посоветовалась и заявила голосом робкой недотроги:

– У нас будет ребёнок. Ты рад?

Артём не представлял, какие перемены за этим последуют, и, не задумываясь, ответил:

– Конечно, дорогая.

До рождения малышей жизнь с Наташей текла как по равнине, не встречая порогов в виде сор и несогласий. Наташа не сковывала его свободы. Он проводил время с друзьями по будням в развлекательных центрах, а по выходным – на пикниках. И после этого дома его ждали чистота и уют, запах неостывшего ужина и согретая женой постель. С рождением Саши и Даши для Артёма начался семейный ад: памперсы, горшки, детский пронзительный плач.

«Как было хорошо без них – никаких забот!» – ностальгировал Артём. Раньше он каждую зиму ездил с друзьями в Альпы кататься на горных лыжах. И не ходил вокруг жены, неуверенно заводя разговор, что неплохо бы слетать отдохнуть. Наташа не отпускала, давила на его совесть:

– Дети маленькие… Что я одна с ними буду делать? Вдруг что – помочь некому. Родители живут далеко… Ну потерпи немного…

Он, стиснув зубы, соглашался и вскоре опять отпрашивался. Директор фирмы тоже с неохотой отпустил его:

– А работа? Закончить надо… – крутил в руках его заявление на отпуск.

На работе Артёма ценили, он занимался созданием и доработкой сайтов «под ключ» и руководил небольшим штатом программистов.

– Нашу работу невозможно закончить. Она напирает непрерывным потоком. Ребята в группе толковые, разберутся…

– Пару недель отдохнуть хватит?

– Чтобы вволю отдохнуть, надо отпуск немереный…. Но я рад и двум неделям…

Шереметьево и сгрудившиеся кубики высоток остались далеко позади под серым московским небом, скупым на зимнее солнце. А под крылом самолёта солнце щедро разливало между облаками сочные жёлто-оранжевые краски.

После омлета и кофе он погрузился в сон: видел себя в ослепительно белоснежных Альпах на самой вершине Монблан. Вот он поднимается на другую вершину – четырёхтысячницу! Третью! Перемещается по всей альпийской дуге: из Австрии во Францию, из Швейцарии в Италию, Германию. Входит на панорамные смотровые площадки, любуется снежными великанами, которые смог покорить. С одной стороны – отутюженные ратраками горные склоны, с другой – среди скал и ёлок нетронутая целина, глубокая пушистая. Он мчится стремительно вниз по «чёрной» трассе, жаждая испытать спектр ощущений. Но ратраки поработали на совесть, и за ночь трасса подмерзла, под ногами не склон, а стиральная доска. Он мчится и… налетает на ствол сосны!

Артём вскрикнул и проснулся. Его встряхнуло толчком от соприкосновения шасси самолёта с землёй в аэропорту Мюнхена. Раздались вразнобой хлопки в ладоши и радостные голоса пассажиров.

Ещё дома Артём зарезервировал автомобиль в аренду. В многоэтажной прокатной фирме его ждал чёрный фольксваген. На нём он добрался до отеля. Поселился, рассовал вещи по шкафам. Решил познакомиться с городом, заодно поужинать в каком-нибудь ресторане.

В вестибюле к нему подошла брюнетка с прямыми до плеч волосами, в расстёгнутой пушистой шубке.

– Русиш? – спросила, улыбаясь и, не дожидаясь ответа, объяснила, – у меня особый нюх. Была рядом, когда ты устраивался, и сразу поняла, хоть ты и неплохо говорил по-немецки.

– Да. Не ошиблась, – сдержанно ответил Артём.

– Я Кэт. Или Катя, – она глянула томным взглядом из полуоткрытых серых глаз.

– Я Артём, – он посмотрел на неё, размышляя: «Кэт… Кошка? На домашнюю кошку она не похожа. Скорее тигрица, любящая свободу. И кофточка у неё под цвет. Клеится? Слышали мы про таких кошечек. Потом мужики узнают, что у них в разных городах дети подрастают …» – он демонстративно похлопал себя по плечу рукой с обручальным кольцом.

Вышли на улицу.

– Какими судьбами? Надолго? – спросила она.

– Здесь на четыре дня, потом в Австрию – покататься на лыжах. У меня отпуск. А ты? Учишься? Работаешь?

– А я немного развеяться от московской суеты, позаглядывать здесь в потаённые уголки… – сказала игриво, – учусь в экономическом.

– Разве сейчас каникулы?

– Нет. Что мне до них! – она рассмеялась. – Учёба идёт – я гуляю. Отец платит – я жду диплома.

– Понятно, – неодобрительно ухмыльнулся Артём: ему известно о существовании такого способа обучения. Его родители тоже оплачивали его учёбу в университете, лезли из кожи в нелёгкое время кризисов в стране, но он сам учился, старательно и ответственно. Закончил

математический факультет с красным дипломом в педагогическом, работал в общеобразовательной школе, затем переквалифицировался на программиста. Содержит семью и родителям денег подбрасывает.

– Я в город, – сказала Катя, – у меня машина, могу подбросить тебя, куда надо.

– У меня тоже есть. – Но подумав, что, возможно, продегустирует спиртное и на обратном пути не сможет вести машину, согласился, – подбрось в знаменитую пивную.

Они сели в машину.

– Для мужчин пивной ресторан «Хофбройхаус», – она улыбнулась, отъезжая, – самая главная в этом городе достопримечательность. А я как ребёнок люблю в сказке побывать. Сегодня любовалась замком, вдохновившим Чайковского написать «Лебединое озеро» и ставшим прообразом замка Спящей красавицы в Диснейленде… А что пивная? Пиво я не пью. Собиралась напоследок заглянуть туда для общего понятия, чтоб потом сказать: в ней был Ленин, Гитлер и я.

Навигатор подсказывал повороты, и машина петляла по нешироким улицам, а потом нашла место парковки.

У пивной курили мужчины. Артём открыл дверь перед Катей, и они попали в огромный зал, заставленный столами и наполненный сигаретным туманом. Духовой оркестр исполнял баварские мелодии, а на их фон накладывался гул тысячи выкриков, из которых невозможно выделить ни единого слова.

– Мне здесь не нравится, – сморщилась Катя, – все пьяные и слюнявые.

– Пойдём наверх, – Артём взял её за руку. Они поднялись на второй этаж. Но в других залах было так же. С трудом нашли место, где сесть. Прилепились к какой-то компании на краю длинного стола.

– Я посижу немного и уйду, – Катя скривила лицо.

Артём подозвал девушку в форменной одежде – белой блузке, облегающей синей жилетке и длинной пышной юбке, которая по традиции заканчивалась на высоте литровой кружки от пола. Сделал заказ. Вскоре она принесла мюнхенские колбаски и две литровых с символикой ресторана кружки светлого пива. Катя не прикоснулась. Артём опустошил свою кружку, её, заказал ещё. Развеселился, разговорился с соседями по столу. Все фотографировались с улыбчивой официанткой. Клиенты за столами поднимали-опускали кружки. Вскоре перед глазами Артёма вся публика зашаталась, и по залу поднимаясь, опускалась многолюдная волна. Он не заметил, когда ушла Катя, и дальше мало что помнил.

Домой брёл, кутаясь от ветра. Добрался к утру. Вполне довольный пивным отдыхом, разделся, завалился в постель и захрапел. Но крепкого сна не получилось, мучили кошмары: он в сугробе и не знает, как выбраться, задыхается…

Проснулся днём в поту: «Где я?» Его охватил испуг. Он огляделся. Вокруг белоснежная постель. Солнце проглядывает сквозь штору. Все вещи разбросаны по комнате, и он не может понять почему: «Меня раздели? Она?» В голове путались: пиво, Кэт, сугробы, недовольная жена и капризные дети. Стал собираться в ресторан и не мог найти портмоне. На тумбочке лежала расстёгнутая сумочка, с которой вчера ходил в пивную. А коричневого портмоне в ней нет! Проверил сейф, карманы куртки, ящики шкафов, осмотрел пол – нет нигде. Сел в кресло и, напрягая память, стал восстанавливать последовательность событий. «Нечаянно выронил в пивной?.. А вдруг украли карманники?.. Вполне мог потерять по дороге… А если это Кэт меня обворовала? Сначала раздела и … Куда она потом делась?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.